

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ПРИНЦИП

ЖИЗНИ

полковника Гурова

Полковник Гуров

Николай Леонов

**Принцип жизни полковника
Гурова (сборник)**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Принцип жизни полковника Гурова (сборник) / Н. И. Леонов —
«Эксмо», 2017 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-97868-7

Житель провинциального города Андрей Самойлов в отчаянии. Два месяца назад в ДТП погибла его сестра, а следствие так и не сдвинулось с мертвой точки. Все потому, что виновник аварии — сын главы местной администрации. Похоже, что добиться правды в городе, где царит полицейский беспредел, невозможно. Теперь и семье Андрея грозит суровая расправа. Полковник МВД Лев Гуров срочно выезжает в провинцию, чтобы противостоять местному произволу, но уже в пути для него начались опасные передрыги...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97868-7

© Леонов Н. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Принцип жизни полковника Гурова	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Иванович Леонов

Принцип жизни полковника Гурова

© Макеев А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Принцип жизни полковника Гурова

Глава 1

...Андрей сразу даже не понял, что именно сейчас с ним происходит. Он шел в соседний с его домом сетевой супермаркет «Мандарин» за самыми обыденными покупками. Люся, его жена, поручила купить пару батонов, брикет масла (особо подчеркнув, что взять следует пусть и такое, что подороже, но не суррогат, состряпанный из всяких там заменителей), пачку чая, пару пакетов круп – пшена и риса. Записывать заказанное на бумажку Андрей не стал – память еще здравая, забыть не должен бы. Остановившись перед светофором, он спокойно дождался, когда загорится зеленый сигнал.

Неожиданно прямо перед ним остановился большущий внедорожник, и из его кабины выпрыгнули два сотрудника полиции. Толстоватый здоровяк с неохватной бычьей шеей как бы даже přátельски спросил:

– Вы – Андрей Самойлов? Капитан полиции Брыкалов. Вам придется проехать с нами в райотдел. Нужно утрясти кое-какие бумажные формальности.

Андрей недоуменно взглянул на Брыкалова и с сомнением в голосе уточнил:

– Это нужно прямо сейчас?

– Да, это ненадолго... – махнул рукой крепкий мосластый «летеха», указав рукой на заднее сиденье салона авто.

Все еще продолжая сомневаться, Самойлов сел в кабину и тут же оказался зажат с двух сторон между мосластым и еще одним полицейским – коренастым капитаном лет сорока, с большой лысиной и крупным бесформенным носом. Андрей его сразу же узнал: это был тот самый тип, который не так давно делал ему угрожающие намеки.

...Месяца два назад родную сестру Самойлова – молодую выпускницу медицинского вуза – сбита бешено мчавшаяся по улицам их уездного городка Мокрова дорогая иномарка. Местные гаишники и опера, как водится в их городе в подобных случаях, «никого не нашли», и местная прокуратура спокойненько «похоронила» только что ею же возбужденное уголовное дело с формулировкой «за отсутствием обвиняемого». Впрочем, это никого не удивило: местная Фемида, имеющая замашки гулящей дамочки с панели, уже не раз и не два являла свое бессилие не только в том, чтобы найти вора или убийцу, но даже посадить уже пойманного отморозка не находила возможным. Особенно если у таковых находились веские доводы своей невиновности, выраженные в сотнях и тысячах долларов.

Но вскоре Андрею удалось получить весьма значимую информацию от очевидца того происшествия, который запомнил номерной знак сбившей девушку машины. Правда, очевидец (что тоже было свойственно мокровцам, хорошо знающим местные порядки) заранее попросил о нем не упоминать нигде и никогда.

– Андрей, ты извини, но у меня семья. А у нас тут – поверь на слово! – все та же Куцевка, только как бы еще и не похуже... – виновато пояснил он.

В принципе Андрей тогда этому хоть и поверил, но сомнения все же остались: да неужели и у них может быть что-то «куцевское»? Возможно ли?! Да, он хорошо знал, что их город и в самом деле благополучным можно было бы назвать лишь с очень большой натяжкой. Но последние лет десять он работал в Москве водителем мусоровоза, домой приезжал на пару недель между вахтами. А находясь дома, или копался на даче, или просиживал с удочками на рыбалке. Чем живет город и район – его не интересовало вообще. Зарабатывал он неплохо, семью обеспечивал, сын и дочка ходили в школу, жена работала медсестрой. На кой ему нужно было заморачиваться какими-то посторонними вопросами? Да, как и все прочие, живущие в

городе и районе, он ощущал непрерывный рост платежей за коммуналку. До него доходили слухи о каких-то темных историях с исчезновением людей, о загадочных смертях некоторых предпринимателей, но относился он к этому как к неизбежному злу – а где сейчас лучше? В столице-то тоже иной раз такое творится!..

И лишь однажды Андрей вышел из своей затянувшейся дремы, когда дочку его соседки Нину – веселую, жизнерадостную выпускницу местной школы – среди бела дня похитили какие-то отморозки и куда-то увезли на черном внедорожнике. Только через два дня, чуть живую, ее нашли зверски избитой и связанной на каких-то дальних пустырях. Причем искали девушку одни лишь родственники и добровольцы – в полиции объявили, что искать ранее чем через трое суток они не считают нужным. Вроде того, чего «кипипиться» попусту, ежели пропавшая скорее всего «затрчала» где-нибудь на даче со своим ухажером?

Участвовал в поисках и Андрей. Этот случай его шокировал: как такое вообще может случиться в наши дни?! Как может полиция столь грязно отзываться о девушке, о которой вообще ничего не знает?! Сам он Нину знал с малолетства. Скромная тихоня, в отличие от немалого числа своих сверстниц она знала только дом, школу и учебники, по которым усиленно готовилась к поступлению в пединститут. Просто немыслимо было представить себе эту девочку с ее солнечной улыбкой в грязных лапах каких-то вонючих подонков.

Дмитрий, отец потерпевшей, кипел негодованием и требовал от полиции и прокуратуры во что бы то ни стало найти насильников, чтобы те предстали перед судом. Тем более что нашлись сразу двое свидетелей, которые были готовы дать показания и подтвердить факт похищения. Но вдруг Дмитрий отчего-то замолчал и даже отозвал все свои заявления. По непонятной причине он стал крайне замкнутым и неразговорчивым. Андрей, которому подошло время ехать на вахту, встретив его, уточнил, когда именно предполагается рассмотрение дела в суде, чтобы выступить там свидетелем, но отец потерпевшей, не сказав в ответ ни слова, лишь отрицательно помотал головой и пошел прочь с угрюмым, свинцово-серым лицом.

Людмила, будучи медсестрой терапевтического отделения местной райбольницы, по большому секрету узнала от подруги, работавшей в хирургии, о том, что девушку, пережившую зверское, садистское насилие, в реанимации навестили двое каких-то типа следователей. Никто не знал, о чем они с ней говорили, но на следующий день Нина что-то по секрету рассказала отцу, и тот вышел из ее палаты постаревшим сразу лет на двадцать.

Никому ничего не объясняя, Дмитрий вскоре увез свою дочь в другой регион, а потом, собрав вещи и продав квартиру, они с женой переехали туда же. Эта история Андрею долго не давала покоя. Он силился понять, как такое могло случиться, что местные правоохранители словно не заметили этого гнусного преступления? И в чем вообще подоплека всей этой грязной истории? Кто были те «следователи», которые навестили Нину в палате реанимации?

Что особенно его настораживало: даже в областных, в том числе и позиционирующих себя как «независимые», СМИ о случившемся в их городе не было сказано ни слова. Что уж говорить о местной, вконец изолгавшейся «районке» с громким названием «Светоч», которую иначе как «Свиноч» никто не называл!

...И вот год спустя под колесами чьей-то машины погибла Валя, родная сестра Андрея. Он в этот день был на рыбалке и о происшедшем узнал лишь вечером, когда уже вернулся домой. Случившееся стало для него настоящим ударом, запредельным шоком. Хоронили ее всем двором – народу собралось человек двести. Когда Валю вынесли из квартиры родителей, она лежала в гробу все такая же молодая и красивая, какой была при жизни. Казалось, что она не умерла, а всего лишь ненадолго уснула. Несостоявшийся жених Вали – крепкий, рослый десантник, – утирая слезы, прерывающимся от негодования голосом прилюдно объявил, что любой ценой отыщет ее убийцу и сам с ним рассчитается.

Какая-то старушка во всем черном, подойдя к гробу, печально обронила:

– Покинул нас светлый ангел... В городе правит Сатана. Вот она и ушла просить для нас у Господа заступничества и спасения...

Эти слова отчего-то обожгли Андрея, как кипятком. Только теперь он вдруг по-настоящему осознал всю горечь потери. Только теперь до него дошло, что их город и в самом деле стал вотчиной Сатаны, безнаказанно творящего зло и разрушающего человеческие судьбы. Он не стал давать прилюдных обещаний, но твердо решил сам провести самое полное расследование случившегося. Правда, ему предстояло через пару дней ехать в Москву на вахту, но он созвонился со своим начальством и попросил дополнительный двухнедельный отпуск. Отпуск ему дали, однако предупредили, что если к новому сроку он не явится, то пусть не обессудит – на его месте будет работать другой.

Там же, на похоронах, шапочно знакомый по гаражному кооперативу, бочком подойдя к Андрею, незаметно сунул ему в карман бумажку с номером и маркой машины, заодно предупредив о своем желании остаться инкогнито. И Самойлов начал действовать. Он не стал больше обращаться в полицию и прокуратуру, а купил на черном рынке регистрационную базу данных областного ГАИ. Увидев на мониторе высветившиеся данные владельца машины – некоего Хлямпикова Рональда Павловича, девяностого года рождения, он сразу же понял, кто убийца его сестры. Это был сын главы администрации их района.

Этим же днем Андрей на своей «Дэу» поехал в областной центр, благо до него от Мокрова было менее сотни верст. Миновав помпезную стелу с объемными буквами, образующими слово «Журавск», он направился в административный центр города, где находилось областное УВД. Дежурный, рослый майор с хмурым, недоверчивым взглядом, приняв его заявление, недоуменно пожал плечами:

– А почему вы решили обратиться именно к нам, а не в свой райотдел?

Самойлов пояснил, что их райотдел, по его уже устоявшемуся мнению, занимается лишь имитацией своей профессиональной деятельности. А на самом деле он в чем-то даже способствует тому, чтобы преступники имели шанс остаться нераскрытыми, вовремя пряча «концы в воду». Это суждение недоверчивому майору явно пришлось не по душе. Он принял и зарегистрировал заявление, однако по его лицу было видно, что мнение визитера о его мокровских коллегах ему очень не понравилось.

Примерно с тем же самым Андрей столкнулся и в областной прокуратуре. Его и там спросили о причинах нежелания обращаться в районную мокровскую прокуратуру. На слова Самойлова о том, что в Мокрове местных прокурорских работников уже никто из населения не воспринимает всерьез, их областные коллеги активно возмущались, горячо доказывая, насколько их гость не прав. Они тоже приняли заявление с претензиями к прокуратуре и РОВД Мокровского района, которые, по мнению Андрея, давно уже забыли, что такое исполнение профессиональных обязанностей, и тоже пообещали «разобраться».

Менее чем через неделю Самойлов был вызван в местный райотдел, к заместителю начальника РОВД Пехову. Необъятно толстый подполковник, неприязненно взирая на Андрея, довольно грубо объяснил ему, что его обвинения в адрес Хлямпикова-младшего совершенно бесосновательны, предвзяты и носят заказной клеветнический характер:

– Мы пригласили личного адвоката Рональда Хлямпикова, и он нам пояснил, что в день совершения ДТП автомобиль «БМВ», принадлежащий господину Хлямпикову, был угнан неустановленным лицом, которое и совершило наезд на потерпевшую Валентину Самойлову. Его поиски сейчас ведутся. Что касается Рональда Хлямпикова, то у него железное алиби. В тот день он был в Журавске, гостил у своего университетского друга. Это подтверждается показаниями пяти свидетелей, с которых, кстати, была взята подписка об ответственности за дачу ложных показаний. Вот, ознакомьтесь!.. – и небрежно бросил на стол скоросшиватель с подшитыми в нем листами исписанной бумаги.

Чувствуя, как у него в висках застучала кровь, Самойлов почти механически перелистал бумаги и молча протянул скоросшиватель подполковнику, поняв, что у убийцы его сестры все «схвачено» даже на уровне области. Хозяин кабинета с какой-то непонятной усмешкой сунул скоросшиватель в стол и, глядя на Андрея в упор, жестко поинтересовался:

– А кто, собственно говоря, дал вам информацию, что то ДТП совершил именно Рональд Хлямпиков?

– На мой телефон позвонил неизвестный мне человек, который сообщил номер машины и имя ее владельца. Скорее всего он звонил с таксофона, поскольку номер у меня не высветился, – ответил Самойлов.

– И на основании одной лишь этой анонимной информации вы поспешили обвинить Хлямпикова в преступлении, которое он скорее всего не совершал? – недоверчиво хмыкнул Пехов. – А вам не кажется, что теперь вас самого могут привлечь к ответственности за ложные обвинения?

– А я никого ни в чем не обвинял. . . – внутренне испытав приступ ненависти, тем не менее с ледяным спокойствием парировал его вопрос Андрей. – Я всего лишь попросил проверить информацию. А почему не обратился к вам? Ну я хорошо помню, сколь «старательно» наша полиция расследовала случай насилия над несовершеннолетней Ниной Трофименко. . . Помню и то, сколь «жестко» наша прокуратура контролировала ход расследования.

Подполковник при этих словах насупился, как грозовая туча. Пробурчав, что тот случай все еще расследуется, он махнул рукой, давая понять, что разговор закончен. Андрей молча вышел на улицу, ощущая горечь и бессилие перед бездушной, продажной машиной, «не замечающей» преступлений тех, кто при власти и деньгах, зато способной перемолоть кости любому, кто не относится к местной бандитской «знати».

Неожиданно запиликал его телефон. Звонили из местной прокуратуры, просили зайти по поводу его заявления в областную. Поднимаясь по ступенькам к входной двери светлосерой двухэтажки, он уже заранее знал, что ему здесь скажут. И его предчувствия оказались абсолютно верны. Один из помощников прокурора, глядя куда-то в пространство, объяснил Андрею, насколько он не прав, подозревая и РОВД, и мокровское «око государево» в бездействии и потакании уголовщине.

– Мы держим на контроле случай с гибелью гражданки Самойловой и будем добиваться самого тщательного расследования.

– Вы тоже считаете, что у Рональда Хлямпикова кто-то посторонний мог угнать машину, и именно он сбил мою сестру? – с нескрываемым сарказмом поинтересовался Самойлов. – А как вы смотрите на то, что, по мнению немалого числа тех, кто с ним знаком лично, Рональд – большой поклонник «белой дорожки» и довольно часто гоняет по городу под кокаином?

– Вы можете назвать тех, кто дал вам эту информацию? – сразу же насторожился помощник прокурора.

– Нет, не могу. . . – отрицательно качнул головой Андрей. – Я не уверен в том, что после этого их жизнь не окажется под угрозой. В общем, я все понял. Никто убийцу моей сестры не искал и искать не собирается.

Он вышел на улицу и поехал в недавно открывшуюся частную юридическую консультацию. Двое типичных «ботаников» в белых рубашках с узенькими черными галстуками при его появлении заученно, на западный манер, озарились улыбками и спросили, чем именно они могли бы быть ему полезны. Опустившись на предложенный стул, Самойлов сообщил, что намерен провести на центральной площади города одиночный пикет, цель которого – обратить внимание общественности на никчемную работу полиции и прокуратуры, уклоняющихся от исполнения своих прямых обязанностей.

Улыбки на лицах юристов тут же погасли, и они ошарашенно воззрились на визитера, как если бы он вдруг сообщил им о том, что собирается объявить войну каким-нибудь селе-

нитам или марсианам. После некоторого молчания старший полушепотом осторожно поинтересовался:

– Простите, Андрей, вы себе хоть представляете, ЧТО ИМЕННО задумали? Будьте реалистом: в нашем городе устраивать подобные акции крайне опасно. Я не буду говорить – почему, но, думаю, это вы понимаете и без меня.

– Я все понимаю, – грустно усмехнулся Самойлов, – но по-другому уже не могу. Мне нужно грамотно составленная заявка в администрацию на проведение пикета. Ну, и кое-какая информация, о своих правах, о том, как реагировать на претензии полиции, и так далее... Сколько это будет стоить?

Переглянувшись с младшим, старший назвал, можно сказать, символическую сумму, и его помощник тут же начал набирать на компьютере формат заявки. Тем временем старший юрконсультант рассказал Андрею о том, что, согласно Конституции, он имеет право на проведение пикета, на этот же счет есть и соответствующий закон, который разрешает проведение пикета в любом месте, за исключением тех, где это может привести к травмам или гибели людей. Но! Есть и энное число хитрых «крючков», которые сводят на нет все права и свободы пикетчика.

– Наши законы слишком расплывчаты и многозначны, поэтому они снабжены «подпорками» комментариев высших судебных инстанций, всевозможными разъяснениями и прочим, что позволит вас и задержать, и даже судить по статье КоАП...

– И что мне может «светить» по этой самой статье? – нахмурившись, поинтересовался Самойлов.

– Или штраф тысяч на десять-двадцать, или административный арест, или общественные работы – но это в самом лучшем случае.

– А в худшем?

Перейдя на шепот, юрист пояснил, что в Мокрове подозрительно часто без вести пропадают люди. За последние пару лет бесследно исчезло не менее полутора, а то и двух сотен человек – это по самым скромным подсчетам. И ни одного из них полиция так и не нашла.

– Так что еще раз хорошенько подумайте – время у вас есть, целых три дня. Сегодня у нас среда? Значит, выйти на пикет вы можете в это воскресенье. Надеюсь, все для вас закончится благополучно, – сказал он на прощание.

Прямо от юристов Андрей пошел в районную администрацию, где в канцелярии вручил сидевшей там дамочке с высокомерно-пренебрежительным взглядом свои бумаги. Скривив рот, та недовольно процедила сквозь зубы:

– Выйдите и ждите в коридоре.

Ждать пришлось около получаса. Наконец мадам соизволила выйти из кабинета и небрежно сунула Андрею второй экземпляр заявки с прямоугольничком штампа и закорючкой росписи. Это его приободрило, и он отправился домой.

Однако этим же вечером Самойлову позвонила какая-то женщина, которая представилась заведующей отдела общественных связей администрации района. По ее словам, с завтрашнего дня на центральной площади города и прилегающих улицах будет проводиться ремонт асфальтового покрытия, для чего дорожники задействуют тяжелую технику, что может нести угрозу и ему самому, и людям, которые окажутся рядом. Поэтому Андрею было предложено изменить место проведения пикета.

– У нас есть официально отведенная территория для проведения общественных акций, которая утверждена правительством области. Это конец улицы Западной, в месте ее пересечения с малой объездной дорогой и пятьсот метров в сторону дачного поселка Грушино, – сказала она.

– Где-где?! – Самойлову показалось, что он ослышался.

Женщина повторила только что сказанное ею, и, мысленно сориентировавшись, Андрей понял, о чем идет речь: его отсылают пикетировать на загородный пустырь, поросший двухметровым бурьяном, с горами мусора несанкционированной свалки. Ничего себе, «обрадовали»!

– Вам завтра нужно будет прийти и получить на этот счет уведомление администрации, – приказным тоном объявила заведующая.

– Вам это нужно – вы и вручайте! – закипая от возмущения, парировал Самойлов.

– Зря вы так хорохоритесь! – уже с угрозой произнес голос из трубки. – Имейте в виду: наш с вами разговор записывается, и в случае привлечения вас к судебной ответственности он станет подтверждением злонамеренности вашего поступка и вашего пренебрежительного отношения к действующему законодательству! Это чревато...

Суховато бросив: «До свидания!» – Андрей нажал на кнопку отбоя.

Он предполагал, что на него начнут давить, но никогда бы не подумал, что давление окажется столь жестким и нахрапистым. Поэтому через Интернет нашел контактные телефоны областных газет и телеканалов и наутро обзвонил всех без исключения. Официозные СМИ отнеслись к его сообщению о готовящемся пикете без особого интереса и пообещали лишь «держат в поле зрения» происходящее в Мокрове. Три газеты, специализирующиеся на судебных делах, скандалах и сенсациях, а также частный канал кабельного ТВ твердо пообещали приехать.

И вот он настал, этот июньский день. Внутренне очень волнуясь, Андрей обернул свой транспарант в газеты и направился в сторону площади. Разумеется, никаких дорожников, никакой тяжелой техники на площади он не увидел. По ней шли пешеходы и катили велосипедисты. Мирная, спокойная картина. Глядя на нее, никогда и не подумаешь, что это – всего лишь ширма, за которой притаилось неведомое зло, готовое в любой момент явить свои многократно окровавленные когти и клыки, способное уничтожить любого, кто ему не покорился.

Подойдя к окрашенному потемневшей бронзовой краской памятнику вождя мирового пролетариата, Самойлов развернул газеты и повесил на шею транспарант, на котором было написано: «Протестую против бездействия полиции и прокуратуры Мокровского района в расследовании гибели Валентины Самойловой». Прохожие с пугливым интересом стали сворачивать в его сторону и, с недоуменно-ошарашенным видом прочтя написанное, продолжали путь, ускоряя шаг. Старичок лет восьмидесяти, с близкого расстояния прочитав транспарант, сочувственно вздохнул и безнадежно махнул рукой:

– Эх, милый! Ничего ты тут не добьешься! Смотри, а то кабы не пришибли где-нибудь за углом. Эти бандюганы мо-о-гут!..

Андрей и сам понимал, что местная «чинушня» едва ли оставит без внимания его непросительно дерзкий поступок, но отступать не собирался ни при каких обстоятельствах. Лишь одно его крайне огорчало и выбивало из колеи: на площади не появился ни один журналист. Это было худшее из того, что в этой ситуации могло бы случиться.

«Что ж это они так меня подвели? – с обидой подумал он. – Хоть бы уж один кто-нибудь приехал. Ни-ко-го!.. Ну народ! А ведь обещали, что будут обязательно...»

Минут через десять к нему приблизилась сухопарая дамочка в модном платье и шляпке, которая неприязненно поинтересовалась:

– Вы почему нарушили предписание районной администрации? Вас уведомили, что вся территория города объявлена зоной чрезвычайной ситуации, а потому всякое пикетирование допускается лишь на отведенном для этого месте. Будьте добры покинуть площадь, иначе мы будем вынуждены обратиться в правоохранительные органы. А вот, кстати, и они!

Она показала на пискнувший невдалеке от них тормозами полицейский «бобик», из которого вышли двое сотрудников райотдела – старлей и прапорщик, оба с дубинками, наручниками и пистолетами в кобурах. Вальяжно, выпятив грудь вперед, старший наряда подошел к Самойлову и, вопросительно взглянув на сотрудницу администрации, сипловато произнес:

– Что, не желает подчиняться законным требованиям? Понятно! Гражданин, прошу в машину! Вы задерживаетесь за противоправные действия вызывающего характера! Пройдемте!

Понимая, что любые его возражения будут расценены как сопротивление полиции, Андрей молча направился к распахнутой настежь задней двери «бобика», сопровождаемый взглядами оказавшихся рядом случайных прохожих. Какой-то разбитной паренек, спешившись с велосипеда, поднял телефон и сделал снимок происходящего. Заметив это, старлей зло приказал прапорщику:

– Тормозни его! Быстро изъять телефон!

Но тот лишь успел дернуться в сторону велосипедиста, как парень вновь вскочил на своего железного «коня» и куда-то тут же быстро умчался. Недовольно крикнув, старлей непечатно выругался и грубо толкнул Андрея в отсек для задержанных. Закрывая дверцу, он едко ухмыльнулся:

– Что, все ждешь своих журналюг? Жди, жди... Их завернули с полпути, так что зря на них надеешься!

Услышанное Самойлова поразило до крайности как самим фактом того, что сотворила полиция, так и откровенным, вызывающим цинизмом торжествующей безнаказанности. Оказывается, эти твари подстраховались даже с этой стороны.

В райотделе ему пришлось часа три просидеть в коридоре невдалеке от дежурного, дожидаясь своей участи. Наконец его вызвали к одному из сотрудников с лейтенантскими погонами, который хмуро объявил, что сейчас им будет составлен протокол по поводу происшествия на площади. Поскольку писал лейтенант не слишком быстро, а его почерк каллиграфичностью не отличался, эта процедура затянулась еще часа на два. Когда протокол был уже готов, прочитан и подписан Андреем, в кабинет вошел капитан с лысиной почти во всю голову и широким, бесформенным носом.

– Оставь нас! – коротко приказал он лейтенанту.

Когда тот вышел, капитан сел напротив Самойлова и, окинув его мутноватым взглядом немигающих глаз, хрипло поинтересовался:

– Что, «герой», на подвиги потянуло? Решил восстановить справедливость? А ты не думаешь о том, что все это для тебя может закончиться очень даже плохо? О-о-очень! Я понимаю, сестра – это серьезно, не соседка какая-нибудь. Но тебе же сказали, что работа ведется, что виновный будет выявлен и наказан. Зачем обострять? Ты в курсе дела, что в России ежегодно в ДТП гибнет более тридцати тысяч человек? Слышал? Вот! И что же? Из-за каждого такого случая нужно обязательно устраивать пикеты и митинги?! Мы ищем!

– Ничего вы не ищите... Вы даже не обследовали машину Хлямпикова – это мне точно известно.

Сказав это, Андрей блефовал, но тут же понял: он попал точно в цель. Капитан даже дернулся от неожиданности и, осекшись, некоторое время озадаченно взирал на своего неговорчивого собеседника. Откашлявшись, он уже не так уверенно уточнил:

– От-куда это известно? К-то это сказал?

– Неизвестное лицо анонимно сообщило мне по телефону... – глядя в окно, пояснил Самойлов.

– Вот что я тебе скажу... – выделив «я», со зловещими нотками в голосе снова заговорил капитан. – Зря ты все это затеял. У тебя двое детей. Их кому-то надо растить. Не оставь их сиротами – мой тебе добрый совет.

Он поднялся со стула и покинул кабинет. Вошедший лейтенант объявил Андрею, что на данный момент он может быть свободен, а в ближайшие дни его пригласят в городской суд для рассмотрения административного дела, поэтому выезжать за пределы Мокрова ему не реко-

мендуется. Транспарант как предмет, использовавшийся для «осуществления противозаконных действий», изымается и остается в райотделе.

Домой Самойлов вернулся уже после обеда, крайне раздосадованный и переполненный негодованием. Только теперь он ощутил на себе, сколь далеко в своей безнаказанности зашла местная бюрократия, сколь велик масштаб произвола здешней «чинушни». Включив компьютер, он написал несколько писем и отправил их в самые разные столичные инстанции федерального уровня.

Ближе к вечеру с работы пришла Людмила, забрав по дороге от его стариков Женю и Анютку. Разувааясь, она произнесла долгое «Ое-е-е-ей!..» и сочувственно спросила Андрея, который все еще сидел за компьютером:

– Ну что там было в райотделе? Не били? А то я слышала, что там могут и кости переломать, и внутренности отбить...

– Нет... Составили протокол, теперь будет суд по административному производству, могут впасть крупный штраф. Правда, припугнули серьезными последствиями... Какой-то лысый капитан с мордой садиста-серийщика все намекал, что дети могут остаться сиротами.

Глядя на мужа страдальческим взглядом, Людмила подошла к нему и тихо произнесла:

– Андрей, может быть, я скажу что-то аморальное, но... Может, ну их, этих тварей? А? Да, Валю жаль. Но ведь они не остановятся ни перед чем, пропади они пропадом! Что-то мне подсказывает – убьют они тебя. Господи! Как только земля носит таких уродов?! Ну что скажешь? Я не права?

– Да, наверное, уже поздно... – горько усмехнулся он. – Я только что отправил в Москву пять писем. Надеюсь, куда надо они дойдут.

– Эх, Андрюша-а-а! Дойти-то они дойдут, да сюда же и вернуться! К этим же жуликам и бандитам их и пришлют для рассмотрения. Ладно, будем надеяться, что все обойдется. Ты уж только больше не дразни этих гусей лапчатых, хотя бы до суда. Хорошо?

– Хорошо... – нехотя согласился Самойлов, внутренне понимая настроение жены.

Удовлетворенно кивнув, она заглянула в шкаф и попросила:

– Андрюш, ты в магазин не сходишь? А то я хотела успеть немного убраться до работы – мне сегодня в ночь...

– Давай схожу! – Взяв пакет и деньги, он вышел из квартиры, успев напоследок поймать внимательный взгляд Людмилы.

Она как-то непонятно глядела ему вслед, словно прощаясь навсегда. Спускаясь по лестнице, Самойлов вспомнил одну телепередачу, где рассказывалось о женской интуиции. По словам телеведущего, у женщин она развита намного острее, чем у мужчин, и женщины предчувствуют беду гораздо чаще. Впрочем... Ну а что с ним сейчас могло бы произойти? Нападут какие-нибудь отморозки? Вряд ли... Разве что какой-нибудь идиот собьет машиной на перекрестке? Да, вот это гораздо реальнее. Поэтому на дороге надо быть осмотрительнее.

...Лишь взглянув на лысого капитана, сидевшего от него слева, Самойлов вдруг ощутил всем своим существом: вот оно, то, что предчувствовала его жена. Вот оно... Он еще не знал, что именно ему уготовили, но было ясно: это – конец! Его везут убивать. Только куда именно и что конкретно с ним будут делать? Застрелят? Ударят ножом?..

Все эти мысли пронеслись в его голове стремительным, лихорадочным вихрем. На какой-то миг Андрей вдруг ощутил внутреннюю слабость, отчего-то нестерпимо захотелось сказать что-то наподобие:

– Ну, ладно, мужики, я все понял. Снимаю все свои претензии, больше никуда и ни с какими жалобами не обращаюсь...

Но тут он вспомнил гнусоватую, ехидную улыбочку старлея, известившего его о том, что областных журналистов не пустили в Мокров, и понял: этого он не скажет ни за что и никогда. Да и толку с этого не будет. Система приняла решение уничтожить его, и мольбы к

палачам ничего уже не решат. Едва машина рванула на зеленый сигнал, мосластый достал из кармана наручники и жестко скомандовал:

– Руки!

– А это-то зачем? – презрительно усмехнулся Андрей. – Везете меня убивать и сами же этого боитесь? Дешевки позорные!

Сказанное им на мгновение ввело в ступор всех сидящих в кабине. Брыкалов нервно оглянулся и, поправив фуражку, язвительно процедил:

– А, сам уже догадался?! Ну, тем лучше. Начали! – скомандовал он сидящим сзади.

Лысый тут же схватил руки Самойлова, сжав их, как клещами, а мосластый проворно защелкнул на запястьях наручники. Внедорожник мчался по улице в сторону загородного шоссе.

– Ну и чего ты добился? – многозначительно обронил капитан. – Тебе же давали добрый совет: сиди и помалкивай. Из-за сеструхи кипеш поднял? Вот теперь к ней и отправишься. Молись! Еще пару минут, и вы с ней увидите уже ТАМ. Сколько вас таких уже было! И все с понтами, все за справедливость... А как приходит конец, у всех полны штаны и слезы рекой...

– Не дожدهшься, сука! – не выдержав, перебил его Самойлов.

Да, действительно, его внутреннее напряжение было запредельным, ему безумно хотелось жить, безумно хотелось сейчас оказаться у себя дома, рядом с Люсей, рядом с Женькой и Анюткой... Но было в душе и что-то другое, не позволяющее ему унизиться перед этими мерзавцами, перед этой двуногой гнилью, собирающейся отнять у него жизнь. Жизнь!!! Самую-самую единственную! И тем не менее уже потерянную...

Быстро бежали секунды, отделяющие его от того страшного мига, когда ЭТО ВСЕ начнется. Боже! Об этом даже не хотелось думать. Машина, набрав огромную скорость, мчалась по трассе в сторону Талаева – соседнего райцентра. Андрей вспомнил: километрах в пятнадцати от Мокрова есть Сонькина низина – широкая балка, куда со всех окрестностей по весне стекаются талые воды. А потом до самой осени там чадит гнилыми туманами поросшее осокой и чередой бездонное болото. Так вот куда они его везут!

Первый шок, испытанный им, уже прошел, и его охватила жажда сопротивления. В голове мелькнуло бесшабашное: «Умирать – так с музыкой!» Он коротко огляделся по сторонам. Как видно, поняв его настроение, мосластый зло толкнул его локтем:

– Сиди и не рыпайся! А то...

– Что – «то»? – громко рассмеялся Андрей. – Кого ты пугаешь, гнида? Да я плюю на вас! Тьфу! – и действительно плюнул мосластому в лицо.

Тот дернулся и, зло ощерившись, ударил его кулаком в правую скулу. С ненавистью глядя на своих палачей, Самойлов вдруг ощутил в себе какую-то неведомую силу и, возвысив голос, заговорил громко и сурово, словно зачитывал приговор, не подлежащий апелляции:

– Будьте вы прокляты, гнусные подонки, предатели и шакалы! Пусть ваши потомки не будут знать ни счастья, ни удачи! Что б вам, сукам, гореть в аду за всех вами убитых!..

Обернувшись к нему, Брыкалов с перекошенным ртом сипло проорал:

– Хва... Хватит! Вы чего копаетесь? Быстро мешок на голову!

Суетливо задвигавшись, лысый накиннул Самойлову на голову толстый полиэтиленовый пакет и стянул его шею крепким синтетическим шнуром. Удавка болезненно сдавила горло, сразу же стало нечем дышать. Придушенно выкрикнув:

– Суки!!! – Андрей ощутил: это и в самом деле конец!

Но жажда сопротивления его не покинула. Притворно обвиснув, словно уже потерял сознание, он внезапно ринулся вперед, вслепую рванув водителя за правую руку. Мосластый только и успел испуганно вскрикнуть:

– Э! Бля-а-а!..

В тот же миг машина, летевшая на огромной скорости, мотнулась вправо, получив сбоку и сверху мощный удар, сопровождаемый визгом и скрежетом рвущегося железа, хрустом и звоном стекла, отчаянными, испуганными воплями палачей. Не кричал один лишь Самойлов. С одной стороны, он сам жаждал именно этого – жуткой аварии, а с другой – кричать не мог по одной простой причине: от удущья он потерял сознание.

...Андрей пришел в себя и долго не мог понять, что же с ним произошло и где он сейчас находится. Все тело страшно ломило, в ушах непрерывно шумело, словно рядом с ним падал огромный водопад. Острая боль разламывала голову, было больно дышать, правые рука и нога совсем не ощущались. В нос ударил острый запах то ли йода, то ли карболки. Он попытался открыть глаза, но открыть удалось только левый, и то лишь чуть-чуть. Но теперь он хотя бы видел свет и размытые тени окружающей обстановки, по которым понял, что находится в больнице.

Андрей попытался вспомнить происходившее с ним до того момента, как он оказался здесь, но так и не смог. Неожиданно он увидел перед собой смутный силуэт человеческой фигуры в зеленом хирургическом комбинезоне, рядом еще один, ростом поменьше, и с трудом прошептал:

– Что со мной случилось?.. Что?..

– О! Уже реагирует на окружающее, – удовлетворенно воскликнул мужской голос. – Значит, жить будет. Андрей, ты меня хорошо видишь?

– Нет, размыто... Люся где? Что с ней?

– Люся?.. А, Людмила Юрьевна? Она только недавно ушла домой. Она постоянно находилась здесь. Вот пошла детей проведать. Скоро опять вернется.

– Сколько я уже лежу? Что со мной? – снова спросил Самойлов.

– Ты у нас уже третий день. Произошло серьезное ДТП. Но об этом – потом, когда будешь покрепче. Сейчас – лежать, лежать и лежать. И никаких разговоров! Все, спать!

Врач с медсестрой вышли из палаты, разговаривая меж собой о настоящем чуде, когда в немыслимой мясорубке из пятерых выжить удалось всего одному. И тут Андрей вдруг начал припоминать недавнее – поездка в машине, люди, собиравшиеся его убить, а потом... Что было потом? Они попали в аварию? А те, что везли его убивать, они живы?..

Теперь ему даже думать было тяжело. Утомившись, он снова впал в зыбкое забытие, в болезненный полусон, когда бред и явь переплетаются в причудливые видения. В какой-то момент он вдруг снова увидел перед собой силуэт человеческой фигуры в белом халате. Скорее всего это была женщина. Ни слова не говоря, она склонилась над ним, и Самойлов ощутил, как в его левую руку вошла игла и что-то прохладное влилось в его вену.

В тот же миг его тело охватило неистовым жаром, нестерпимая боль пронзила сердце, на теле выступил обильный пот. Он хотел спросить: «Что ты делаешь? Что это такое?..» – но его губы лишь чуть заметно дрогнули, а еще через мгновение он провалился в бесконечное черное небытие. Женщина, сделавшая ему укол, поспешила к двери и буквально лоб в лоб столкнулась с вбежавшей в палату Людмилой. Увидев «медсестру», та, лишь мельком взглянув на бездыханного мужа, каким-то шестым чувством поняла суть происходящего и разъяренной тигрицей накинулась на незнакомку:

– Кто ты такая?! Что ты сделала с моим мужем, сволочь?!

«Медсестра», отчаянно отбиваясь, ударила ее уже пустым шприцем, вогнав в руку иглу на всю длину. Людмила вскрикнула, ее хватка чуть ослабла и, воспользовавшись этим, убийца сумела выскочить в коридор. Людмила последовала за ней, зовя на помощь, но та с крысиным проворством уже бежала вниз по лестнице, а затем с лестничной площадки выпрыгнула в кем-то заранее открытое окно. Тут же где-то снаружи загудел мотор, и куда-то прочь от реанимации помчалась машина. Когда в палату прибежал врач, Андрей уже не подавал никаких признаков жизни.

Людмила была вне себя от горя. Кусая руки, она плакала навзрыд. Первый шок она пережила три дня назад, когда получила известие о том, что ее муж попал в ДТП и получил тяжелейшие травмы. Ей рассказали, что Андрей, непонятно зачем и неизвестно куда, ехал с четверьмя сотрудниками местного райотдела полиции. Однако она сразу же поняла истинную подоплеку случившегося: его везли убивать, но он сумел выбить управление автомобилем из рук бандитов, и внедорожник на большой скорости влетел под прицеп дальнобойщика.

И хотя иномарку исковеркало, измяло и изорвало чуть ли не на лоскуты, Андрей оказался единственным, кто уцелел в этой кошмарной мясорубке. Сидящим впереди не помогли и сработавшие подушки безопасности. Впрочем, когда спасатели вскрыли кабину внедорожника, его водитель еще подавал признаки жизни. Но довести до реанимации его не успели – он умер, не приходя в сознание.

Самойлов, вопреки всякой логике, хотя и сильно пострадал, но тем не менее остался жив. Ему пришлось ампутировать правое предплечье и правую ступню, зато он был жив. Жив! Бог с ними, с рукой и ногой. Людмила его любила и будет любить по-прежнему. Он поправится, и они снова будут счастливы. Но мерзкие упыри, желавшие его смерти, не удовольствовались случившимся. Они подослали свою прислужницу, и та его добила.

Через четверть часа в больницу прибыла опергруппа местного РОВД, которая занялась изучением места происшествия. Старший опергруппы в коридоре о чем-то разговаривал с завотделением, эксперт-криминалист изучал шприц, из которого была сделана смертельная инъекция, судмедэксперт осматривал тело Андрея. Молча наблюдая за ними со стороны, Людмила смотрела на оперов с нескрываемой ненавистью. Когда старший опергруппы попытался расспросить ее о случившемся, о той женщине, которая ввела ее мужу смертельный яд, она с каким-то русалочьим смехом всплеснула руками и негодуя помотала головой:

– Боже! Какое лицемерие! Они еще и делают вид, что будут что-то там расследовать, что найдут убийцу моего мужа! Да его убили такие же, как и вы! Вы все в этой вашей поганой банде – заодно! Я ни одному из вас не верю и на ломаный грош! Зачем ломать-то эту никчемную комедию, юродствовать с расспросами?! Уж пишите сразу: Андрей Самойлов сам себе ввел отраву. Откуда ее взял? Ха-ха! Что, трудно придумать?

Опера слушали ее, хмуро переглядываясь и явно не зная, что возразить. Старший опергруппы с нотками обиды в голосе спросил:

– А почему вы считаете, что мы из какой-то там банды, что это мы его убили? Какие у вас для этого основания? Я уже в курсе, что он куда-то ехал с нашими сотрудниками. Но с чего вы взяли, что в его смерти виноваты именно они?

Утерев слезы, уже совсем другим, сухим и жестким, голосом Людмила почти отчеканила:

– Когда спасатели достали Андрея из того, что осталось от внедорожника, на голову его был надет полиэтиленовый пакет, а на шее – удавка из куска бельевого шнура. Он выжил лишь потому, что в тот момент, когда машина попала в ДТП, убийцы выпустили из рук концы удавки, и он смог дышать. Ясно?

– А кто вам это сказал? – озадаченно наморщил лоб старший.

– Не помню! – Людмила одарила его убийственным взглядом и добавила: – А если и вспомню, то не здесь, а... Ну это неважно, где!

О том, что Андрея собирались убить, ей рассказал фельдшер одной из машин «Скорой», выезжавших на ДТП. А сам он об этом узнал от спасателей. Те прибыли на пару минут раньше «Скорой» и, порезав, словно консервную банку, груды искореженной жести специальными гидравлическими клещами, обнаружили в останках внедорожника одного из пассажиров с полиэтиленовым мешком на голове и шнуром, охватывающим шею. Тут же подскочивший к ним опер сорвал пакет и объявил, что это произошло случайно в момент аварии. Но всякому, кто это видел, было яснее ясного, что ситуация эта крайне мутная, пахнущая вульгарной уголовщиной.

– Хм... В протоколе осмотра места аварии об этом не было ни слова. Парни, кто ездил на ДТП?

– Ляпухин, а с ним Алясин и вот Арсен... – кивнул в сторону судмедэксперта, стоявшего у постели Андрея, криминалист.

– Ну-ка, Арсен, проясни ситуацию: у потерпевшего Самойлова действительно был пластиковый мешок на голове? – хмуро взглянул на судмедэксперта старший опергруппы.

Тот отчего-то сразу же занервничал:

– Игорь Анатольевич, никакого пакета я не видел. Я занимался трупами. А спасателей опрашивал Ляпухин.

– Та-а-к... – задумчиво покачал головой Игорь. – Кстати, случай с ДТП, когда погибла Валентина Самойлова, расследовал именно Ляпухин... Занятое совпадение!

В этот момент в его кармане заверещал телефон. Поднеся его к уху, опер сумрачно обронил:

– Слушаю, товарищ полковник... Так мы работать еще только начали! Вот, пытаемся опросить жену умершего... Товарищ полковник, это убийство – даю сто процентов!.. Сейчас...

– Опустив трубку, он спросил Людмилу: – Вы лично видели тот момент, когда неизвестная женщина делала инъекцию вашему мужу? Нет? Гм! Ч-черт!.. Нет, товарищ полковник, она не видела... Что-что? Куда ехать?.. А что там?.. Ни-че-го себе!.. Товарищ полковник, кажется, я уже знаю, кто бы это мог быть...

Сунув телефон в карман, Игорь снова обратился к Людмиле:

– Вы хорошо запомнили женщину, с которой столкнулись в дверях палаты?

– Да... Роста моего, худая, лет тридцати, лицо... Ну, как бы ее описать? Помните, по телевизору все показывали украинскую летчицу-наводчицу, которую у нас посадили, а потом отпустили? Вот, на нее она очень даже похожа.

– Тогда, видимо, вам придется прийти в морг на опознание. Ее только что нашли на пустыре за улицей Садовой. Нам приказано ехать туда...

– Игорь Анатольевич, а что же здесь? – недоуменно пожал плечами криминалист.

– Возьмешь пробы крови умершего для исследования на токсины. Ну и шприц, из которого была сделана инъекция. Пока – все...

В дверях палаты показались молчаливые санитары, которые переложили Андрея на каталку и, накрыв его простыней, куда-то повезли. Скорее всего в морг. Глядя им вслед, Людмила не могла понять: снится ли ей все это или происходит наяву?.. Как же странно устроена жизнь – все в ней происходит быстрее, чем в театре теней. Еще утром у нее были хоть какие-то планы, надежды, мечты... А теперь вдруг не осталось ничего. Ни-че-го! Только бездонная пустота...

Взглянув на часы, Людмила вспомнила, что ей пора на смену. Она вышла из хирургии и торопливо зашагала к терапевтическому корпусу. Не успела зайти в свое отделение, как ее неожиданно вызвали к заведующему. Самойлова сразу же почувствовала: это неспроста! И действительно, пряча глаза, тот сообщил, что у них началось сокращение штата, поэтому с сегодняшнего дня она здесь больше не работает. Расчет может получить в бухгалтерии.

– Ну ничего, ничего! Я на всех вас найду управу! – гневно бросила Людмила, выходя из кабинета.

Получив расчет, она отправилась домой. Дом, в котором проживала их семья, был в другом конце Мокрова, поэтому на дорогу уходило больше получаса. Когда она уже подходила к своему кварталу, кем-то прозванному Чертаново (потому что от центра города он был «у черта на куличках»), ее неожиданно кто-то окликнул. Людмила оглянулась и в проулке одноэтажного сектора, простиравшегося параллельно их квадрату пятиэтажек, увидела Игоря, который поджидал ее у своей машины.

– Чего вам? – сухо спросила она.

- Как я понял, вы планируете ехать в Москву, чтобы там добиться справедливости...
- Возможно! А вам что до этого? – с вызовом посмотрела она на опера.

Игорь молча достал из кармана сложенный вчетверо листок блокнота.

– Хочу вам помочь. Вот, возьмите – здесь контактный телефон человека, который реально сможет расследовать случившееся с вашим мужем. Мне как-то довелось помогать ему в одном деле – мы расследовали запутанное убийство одного областного чиновника. Будьте уверены – этому человеку можете доверять как самой себе. Зовут его Лев Иванович Гуров. И еще... Будьте осторожны. Я всего месяц как возглавляю здешний угрозыск. Но с самого начала почувствовал, что здесь что-то нечисто. Ну а сегодня понял окончательно: гадючник тут полнейший. Удачи вам!

Он сел в машину и быстро уехал. Задумчиво вглядываясь в цифры телефонного номера, Людмила шла к дому, даже не замечая, как на некотором отдалении за ней крадется какая-то подозрительная личность в неприметном сером костюме...

Глава 2

Старший оперуполномоченный Главного управления угрозыска полковник Лев Гуров, как и обычно, прибыл на работу ближе к половине восьмого утра. Он поднимался по ступенькам крыльца здания Главка, чуть слышно насвистывая какой-то беззаботный мотивчик – что-то наподобие попури мультяшных хитов «Антошка, Антошка, пойдем копать картошку» и «Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк!..». С самого раннего утра настроение у него было, можно сказать, расчудесное: он вчера закончил труднейшее расследование, и сегодня ему предстояло лишь доработать бумаги. Но это только до обеда. А с обеда – он вольный казак.

И куда в таком случае махнуть? Может быть, съездить в театр? Мария Строева, его жена и ведущая прима одного из лучших столичных театров, уже несколько раз приглашала на очередную премьеру, но он из-за своей работы все никак не мог удосужиться окунуться в мир сценических постановок. Так, может быть, и в самом деле хоть и с большим опозданием, но выполнить свое обещание, давно уже данное Марии. А почему бы нет? Решено! Сегодня он едет в театр!

Войдя в кабинет, Лев сел за свой стол и, вооружившись авторучкой, приступил к работе. Какие-то бумаги распечатывал на принтере, какие-то приходилось заполнять от руки... Ближе к восьми на пороге появился его коллега и приятель Станислав Крячко.

– Л-лева! Здор-рово!!! – сияя жизнерадостной улыбкой, поздоровался он.

– Привет, привет... – окинул приятеля изучающим взглядом Гуров. – Что так сияешь? Сегодня Тамара хорошо приголубила?

Издав возмущенное «Пф-ф-ф!», Крячко всплеснул руками:

– Какая Тамара?! С Тамарой мы расстались еще на позапрошлой неделе. Она, блин, не оправдала моего «високого давэрия». Я уже собирался сделать ей предложение, а она... Гм-гм! Коварная изменница выскочила замуж за какого-то коммерсанта.

– И этим ты был так огорчен, что тут же нашел ей замену...

– Какие замены? Эта душевная рана неизлечима и нуждается в длительной клинической терапии. Например, хороший исцеляющий эффект может дать поездка на рыбалку. Слушай, ты, я гляжу, сегодня уже сдаешь свою работу?

– Сдаю... Вот, добыю кое-какие формальности и передам следакам. А у тебя что там? Ты же вроде бы расследовал убийство пермского коммерсанта?

– Да... – Стас огорченно махнул рукой. – Убийство-то я раскрыл, да вот сажать некого. Подозреваемый при задержании ударился в бега, забрался на крышу высотки, сорвался и – бдымц! – в лепешку. Сейчас тоже буду сочинять бумажки для прокуратуры...

– Так кем же он оказался-то, этот «мокрушник»?

– Консьерж. Убийство, я так понял, он задумал давно, все очень тщательно подготовил, даже нашел, на кого это все повесить – на своего же напарника, к тому же земляка. И в принципе местный угрозыск эту наживку проглотил, не разжевывая. Так и сидел бы бедолага-«гастер» за чужие проделки, если бы его адвокат не созвонился с нашим Петрухой. Ну а я, когда взялся, сразу же понял, что дело тут нечисто. Проверил подноготную второго консьержа. Вышел на Ташкент, и оказалось, что у себя в Узбекистане этот умник уже отбывал срок за убийство. Ну а остальное – дело техники...

Шелестя бланками и какими-то блокнотами, Крячко тоже занялся канцелярщиной. Какое-то время в кабинете царило молчание. Неожиданно зазвонил сотовый Гурова. Лев поднял трубку и услышал голос молодой, незнакомой ему женщины:

– Лев Иванович? Здравствуйте! Меня зовут Людмила Самойлова, я приехала из города Мокрова Журавской области. Ваш телефон мне дал один сотрудник нашего местного уголовного розыска. Он сказал, что с вами знаком, его зовут Игорь Смольнов.

– Помню такого... А по какому вопросу вы решили ко мне обратиться?

– У меня убили мужа. Однако дело не только в этом. У нас в Мокрове царит жуткий криминальный беспредел. Полиция и прокуратура заодно с уголовниками. Но всего этого по телефону не расскажешь. Когда и где я могла бы с вами встретиться?

– Да когда угодно, можно даже прямо сейчас, у нас в Главке. В данный момент вы где находитесь?

– Я только что с поезда, стою на перроне Павелецкого. Хорошо, раз вы не против, я прямо сейчас возьму такси и приеду к вам.

– Хм... Может быть, за вами прислать нашу служебную машину?

– Спасибо, Лев Иванович! Но... Зачем? На такси будет гораздо быстрее.

– Ну, приезжайте, ждем... – Внезапно ощутив смутную тревогу, Гуров нажал на кнопку отбоя.

– Кто там? – вопросительно мотнул головой Стас.

– Молодая женщина из Журавской области. У нее убили мужа, в их райцентре творится что-то очень скверное. Мой телефон ей дал один мой тамошний знакомый – он мне как-то помогал в одном расследовании. Ч-черт подери! Что-то меня в этой истории очень напрягает... Она собирается взять такси, но у меня такое ощущение, что может и не доехать.

Нахмурившись, Крячко издал громкое «Гм!».

– Ну, так позвони ей, пусть обратится к охране вокзала, чтобы они ее прикрыли от возможных покушений, и сразу же высылай за ней нашу машину.

Гуров кивнул и, найдя номер звонившей в памяти телефона, нажал на кнопку вызова. Потянулись секунды ожидания. Один за другим следовали длинные гудки, но Людмила почему-то не отвечала. Наконец автоответчик объявил, что данный абонент не отвечает, и вызовы прекратились. Лев медленно опустил трубку и молча переглянулся со Станиславом. Было яснее ясного, что с Самойловой произошло нечто выходящее за рамки обыденности. Но что именно? Конечно, можно было надеяться на то, что женщина по каким-то причинам попросту не услышала сигнал вызова, однако интуиция подсказывала иное: с ней что-то произошло.

– Сейчас попробую позвонить еще раз. Если не ответит, немедленно еду на Павелецкий... – обронил Гуров, снова набирая номер Людмилы.

После четвертого или пятого гудка в телефоне пикнул сигнал установления связи, и он облегченно перевел дух. Но тут же впал в некоторый ступор, услышав мужской голос:

– Капитан Михеенко. Кто вы?

– Полковник Гуров, Главное управление угрозыска. Что с хозяйкой этого телефона?

– Гм-м! Товарищ полковник, мы несем ее сейчас в медчасть вокзала, чтобы... ну посмотрел врач. Вместе с другими пассажирами она входила с перрона в здание вокзала и прямо в дверях отчего-то вдруг упала на пол. Поднялся шум, я оказался рядом, прибежал первым. Такое ощущение, что у нее внезапно остановилось сердце. По-моему, она уже все, умерла.

– Капитан, свидетелей происшедшего нашли?

– Так точно, товарищ полковник! Вот, со мной двое мужчин, помогают нести потерпевшую. Они входили в дверь перед ней, а она шла следом. В какой-то момент вдруг вскрикнула «Помогите!», стала падать и схватилась рукой за куртку одного из них.

– Все понятно! Немедленно выезжаю! Минут через десять-пятнадцать буду. Всем быть на месте!

– Что там? – Крячко выжидающе смотрел на него и чуть слышно постукивал по столу концом авторучки.

– Ее убили... – коротко ответил Лев и быстро вышел из кабинета.

В этот момент на его столе зазвонил телефон внутренней связи. Стас, недовольно сопя, подошел к нему и поднял трубку, из которой громыхнул голос их начальника, генерал-лейтенанта Орлова:

– Лева, Стас уже пришел?

Крячко на этот вопрос ответил с капелькой язвительности:

– Стас уже пришел. А вот Лева только что ушел по срочному делу.

– А, Стас... Здорово! Что там у него за срочные дела?

Выслушав его не самое насыщенное повествование о происшедшем на Павелецком вокзале, Петр издал недоуменное «Хм-м...» и философски отметил:

– Надо же, какой с утра выпал «подарок судьбы»! Да-а-а... Хорошо, придет – пусть зайдет ко мне. У тебя там что с расследованием? – Узнав о том, что убийцей оказался консьерж, только совсем другой, да еще и разбившийся при падении с крыши дома, он устало вздохнул: – Ну и ну! Отсутствие обвиняемого, как ни верти, – брачок в нашей работе. Наш «лучший друг» в министерстве на ближайшей коллегии обязательно упомянет, что, дескать, «хваленые Гуров и Крячко» только и могут работать по принципу «бей-круши-ломай»... Ладно, занимайтесь!

...Гуров внимательно изучал документы, найденные при умершей. Судмедэксперт Главка Дроздов, которого он захватил с собой, проводил экспресс-обследование тела Людмилы Самойловой. Ему помогли двое санитаров «Скорой».

Как явствовало из билета, по которому женщина ехала в седьмом плацкартном вагоне поезда Журавск – Москва, прибыла она в семь сорок пять утра. Гуров тут же поручил капитану Михеенко пригласить проводника седьмого вагона журавского поезда. Осмотр вещей в дорожной сумке Людмилы ничего существенного не добавил – обычный набор, который мог взять с собой человек, собиравшийся в дорогу на сутки-двое, и не более того. В боковом кармашке обнаружился конверт из плотной бумаги, в котором лежало семейное фото – муж, жена и двое детей – мальчик и девочка. Глядя в объектив фотоаппарата, все четверо безмятежно улыбались. Окинув взглядом снимок, Лев мысленно констатировал, что это скорее всего семья Самойловых – женщина на снимке, безусловно, была Людмилой.

«Красивая пара... – отметил он про себя и тут же с сожалением добавил: – Была!..»

Теперь их ребятишки остались полными сиротами. Что же там за дьявольщина творится, в этом Мокрове? Когда Гуров года три назад проводил расследование в Журавске, в Мокрове ему побывать не довелось. Но уже тогда просачивалась информация о том, что обстановка в этом райцентре весьма и весьма неблагополучна. Впрочем, много ли в России райцентров со здоровой социальной и криминальной обстановкой?

Закончив свою работу, Дроздов накрыл умершую простыней и дал знак санитарам, чтобы те ее выносили. Остаток исследований – вскрытие и тому подобное – следовало проводить уже в морге. Снимая перчатки, судмедэксперт Главка бесцветным голосом доложил, что скорее всего смерть наступила в результате инъекции сильнодействующего токсина. Яд был введен в верхнюю часть ягодицы – Дроздову удалось найти место вхождения в кожу инъекционной иглы.

– Отдам в лабораторию пробы крови и тканевых жидкостей, – сообщил он. – Но уже сейчас могу сказать, что был, видимо, использован яд аттиталин или его аналог.

Лев припомнил, что аттиталин относится к группе особо сильных токсинов, разработанных для западных спецслужб. Его особенностью было то, что после наступления смерти убитого им организма токсин распадался на некие вполне нейтральные пептиды, поэтому доказать его использование почти невозможно.

Поручив Дроздову тщательнейшим образом провести всю положенную экспертную работу, Гуров побеседовал со свидетелями убийства, которые оказались вахтовиками, работавшими на столичных стройках. Впрочем, узнать от них он смог немного. Парни уже мино-

вали дверь, когда сзади раздался негромкий вскрик: «Помогите!» – после чего шедшая за ними женщина покачнулась и начала падать ниц, успев схватиться за рукав одного из них.

– Мы вначале подумали, что у нее просто прихватило сердце, – повествовал тот, что постарше, назвавшийся Григорием. – Стали ее поднимать, а она уже не дышит. Мы подняли шум, прибежал капитан, и с ним втроем отнесли ее сюда, в медчасть.

Подозрительных людей в вокзальной толчее они не заметили, да и не ставили перед собой такой задачи – кто бы мог подумать, что, по сути, у них на глазах кто-то совершил убийство?! Взяв их координаты и номера телефонов, Лев отправился в вокзальный полицейский «пикет», чтобы там побеседовать с проводницей седьмого вагона. Ею оказалась крупная пожилая женщина с озабоченным выражением лица. Пассажирку с тридцать четвертого места она вспомнила сразу же. Но чего-то необычного или подозрительного, связанного с ней, припомнить не могла. По ее словам, эта женщина вела себя очень тихо, ни с кем в разговоры не вступала и выглядела глубоко несчастной.

– По всему ее виду я сразу поняла: беда у нее, очень большая беда... Но в душу лезть не стала – за свою жизнь столько всякого повидала! И уже знаю, что иному человеку надо просто дать побыть наедине с самим собой, чтобы пережить свалившееся лихо. Так ее, значит, убили?.. Вон оно что...

На вопрос Гурова, не заметила ли она, что после высадки пассажиров кто-то пошел за Самойловой следом, женщина глубоко задумалась. Стискивая виски кончиками пальцев, она раскачивалась на стуле, вполголоса приговаривая:

– Кто же шел? Кто же шел? Кто же шел... Кто?! Вот она выходит, благодарит меня за заботу, я ей желаю удачи, она идет... Идет... Стоп! Из шестого вагона какой-то серый мужичок за ней поплелся. Да! Точно! Среднего роста, щупловатый, оттопыренные уши. Его я увидела, когда он уже прошел мимо меня, поэтому запомнила только со спины. Да, да, да! Он шел по перрону прямо следом за этой женщиной, и потом они затерялись в толпе. Да я особо-то за ними и не следила...

Над вопросом о том, во что этот тип был одет, проводнице снова пришлось задуматься.

– Ну об одежде что могу сказать? На нем серый такой летний костюмчик китайского производства: тонкие брюки и рубашка с коротким рукавом, серая кепочка... как ее? А! Бейсболка, вот... На ногах – коричневые туфли в дырочку, в руке – средняя по размеру сумка, серая с голубым.

Продолжая задавать ей вопросы, Лев отправил одного из дежурных за проводницей шестого вагона. Вскоре она появилась в дверях. В синей фирменной униформе, высокая, молодая, с походкой именитой легкоатлетки, девушка смотрелась весьма эффектно. Изящно опустившись на предложенный ей стул и назвавшись Наташей, она с интересом окинула Гурова изучающим взглядом. На вопрос о пассажире из ее вагона в сером костюме снисходительно улыбнулась:

– Ну да, был такой. Я даже запомнила его фамилию – Слонищев. Думаю, тот, кто давал фамилию кому-то из его предков, был не без чувства юмора. Такой мосол, и вдруг – Слонищев!

По словам Наташи, Слонищев в пути себя никак не проявлял. Вел себя очень тихо, почти всю дорогу пролежал на полке. Ни дать ни взять – серая мышка-норушка мужского пола. В шестой вагон он сел в Журавском, откуда в четырнадцать ноль-ноль их поезд отправился в Москву. К проводнице обращался всего один раз, когда вечером попросил чаю. Голос у него очень неприятный – скрипучий, с какими-то визгливыми нотками, как если бы кто-то царапал по тарелке зубьями столовой вилки.

– Ну а чего-то странного, необычного за ним не заметили?

– Необычного... – Девушка чуть пожала плечами. – Ну вот, когда я принесла ему чай и пошла дальше по вагону, чтобы глянуть на общую обстановку, а потом проходила обратно мимо его купе, он как раз закончил чаепитие и стал взбираться на свою полку. И что меня дей-

ствительно удивило: с виду-то вроде безнадежный слабак, того гляди ветром унесет, и почему-то ожидалось, что на свою полку ему без посторонней помощи ни за что не взобраться. А он лишь пальцами оперся о края полок и – раз! – без малейшего усилия поднялся на руках и лег на свою полку. Выходит, его хлипкость – это одна лишь видимость. На самом деле он такой жилистый и крепкий, что иные из здоровячков могут позавидовать.

Уточнив еще ряд моментов, Лев поинтересовался:

– То есть, я так понимаю, лицо этого человека вы запомнили хорошо? Тогда нам с вами придется съездить в Главк, чтобы составить там его фоторобот.

– А это надолго? – насторожилась Наташа. – Мне ведь еще убираться в вагоне, а через пять часов начало посадки.

– Ну процесс составления фоторобота, конечно, не самый скорый, но к началу посадки вернуть вас на место обещаю. А что касается уборки... Этот вопрос я сейчас утрясу с вашим начальством. Все будет нормально!

Прибыв в Главк, Гуров препоручил Наташу заботам «фотошоперов», а сам поспешил в кабинет Орлова – встретившийся им в коридоре Стас, сделав большие глаза (ух, какую красавицу подцепил Лева!), скороговоркой вполголоса уведомил:

– Живо к Петру! Пар уже срывает крышку и свищет из ушей!..

Проходя через приемную, Лев кивком поздоровался с секретаршей Верочкой и вопросительно мотнул головой в сторону двери кабинета: буйствует? Изобразив многозначительную гримаску, которую можно было понять как «не то слово!» – она зажмурилась и потрясла головой: «жуть!»

Войдя в кабинет, Гуров увидел генерала, который и в самом деле выглядел раздосадованным, раздраженным и даже основательно взвинченным. Свирепо стиснув в руке трубку городского телефона, Орлов кому-то упрямо доказывал:

– Мне ваши мероприятия – как бельмо на глазу! У меня несколько «глухарей», опера работают с двойной нагрузкой, я не могу им дать и одного выходного дня, а вы тут со своими симпозиумами. Некого мне послать! Не-ко-го! Все! – Он бросил трубку и, что-то буркнув в ответ на приветствие Льва, сокрушенно помотал головой:

– Ну вот как тут работать?! А?.. Работы – невпроворот! А им найди сотрудника Главка для участия в международном симпозиуме по проблемам либерализации уголовного законодательства. О, какая проблема! Законы, оказывается, у нас слишком жесткие. Они чего хотят добиться? Чтобы за вооруженный грабеж грозили пальчиком, а за убийство штрафовали в пределах «стольника»?! Дурдом!..

Понимающе кивнув в ответ, Лев опустился в кресло и невозмутимо поинтересовался:

– Ну дурдом-то дурдомом, однако ты, я так понял, все же собираешься кого-то послать? И этим «кем-то» скорее всего должен стать я?

Генерал возмущенно фыркнул, широко разводя руками:

– А что прикажешь делать? САМ дал такое указание! А приказы начальства не обсуждаются...

– Постой, постой! – прервал его Лев. – Из твоей дискуссии с кем-то, мне неизвестным, я понял одно: ты категорически никого послать не собираешься и не пошлешь. Так? Так. И тут же мне говоришь о том, что все равно ехать надо, и ехать именно мне. Это что за раздвоение мнения? Ты вообще с кем сейчас по телефону спорил? Ну не с прапорщиком же на министерской проходной вел дискусию?

– Понятное дело, не с вахтером! Со вторым замом министра. Он же у нас инициатор всяких таких общественных дел! Он же и настаивает, чтобы в этом симпозиуме принял участие именно ты. Ну а я – что? Да, я категорически не согласен, но... Дисциплина, как ни верти, была и остается дисциплиной.

– А в чем именно смысл моего участия? – иронично рассмеялся Гуров. – Ну, допустим, там участвуют академические профессора, депутаты... Мне-то там какого хрена делать?

Многозначительно заломив бровь, Орлов пояснил:

– Организаторы симпозиума – он, кстати, международный! – хотят, чтобы перед ними выступил сильный практик. То есть такой человек, который собственными руками ловит бандитов, который положениями УК руководствуется денно и нощно. Ну а ты же у нас в известном смысле – звезда сыска...

– Ну ты загнул! – коротко отмахнулся Лев. – «Звезда сыска»... Слушай! А давай пошлем Стаса? Язык у него в принципе подвешен, иностранок там будет много, а это для него – как мед для косолапого. Соловьем будет заливаться – гарантирую.

– А что же ты?! Я вон даже все самые «мозгокрутные» дела распихал по разным нашим отделам, чтобы ты на ближайшие несколько дней не имел нужды разрываться между работой и этой тусовкой. Что за капризы, Лева?..

– Да какие там капризы?! – Гуров нахмурился и, потерев лоб ладонью, рассказал о событиях сегодняшнего утра.

Выслушав его, Орлов вполголоса произнес: «Ох... Ох-ох-ох-ох!..» – и забарабанил пальцами по крышке стола.

– М-м-м-да-а-а... – наконец задумчиво протянул он. – То есть у тебя, я так понял, как бы чувство вины перед этой женщиной, и к тому же ты предполагаешь, что там, в этом самом Мокрове, происходит что-то из ряда вон выходящее?

– Да. И не просто предполагаю. Я в этом твердо уверен! Считаю, что нужно очень и очень серьезно со всем разобраться.

– Хм... Но если там и в самом деле уголовный «чумной барак», то туда стоило бы отправить целую оперативную группу. А у меня, бесценный ты наш, людей – мизер. Все – на разрыв, все перегружены, у каждого – от одного до трех дел. Да что тебе объяснять? Ты и сам все прекрасно знаешь... Кстати! Если на симпозиум отправить Стаса, то тогда тебе в Журавск придется ехать одному. Хотя, надо понимать, сунуться туда в одиночку – это, без преувеличения, огромный риск. Ты об этом хорошо подумал?

– А где и когда мы не рискуем? Как будто в Москве я не рискую почти ежедневно, как будто здесь мне не приходится сталкиваться с такими тварями ядовитыми, что любая кобра обшипится от зависти. И к тому же! Я поеду туда как частное, гражданское лицо. Ну, скажем, коммерсант, ищущий рынки сбыта. Ни в области, ни в районе как сотрудник Главка «светиться» не буду. Хотя бы проведу общую рекогносцировку, выясню, насколько серьезна и чем характерна там ситуация.

– Добро! – немного подумав, согласно кивнул генерал. – Пусть на симпозиум едет Стас, ну а ты – в Мокров. Ладно... Только времени тебе даю... ну дня три – не более!

– Не считая дороги! – поспешил вставить Гуров.

– Хорошо, хорошо... Не считая дороги. Выезжаешь-то когда?

– Да прямо сегодня, на поезде Москва – Журавск. Сейчас наши «фотошоперы» работают с проводницей вагона, где ехал предполагаемый киллер. Когда фоторобот будет готов, Наташу... ее Наташей зовут, надо будет срочно доставить на Павелецкий. А я сейчас отправлюсь домой, надо собрать дорожную сумку.

– Тогда я сейчас позвоню в бухгалтерию, чтобы тебе оформили командировочные. – Орлов быстро поднял трубку телефона внутренней связи.

– Неплохо бы! – одобрил Лев, поднимаясь с кресла. – Только сразу им скажи, чтобы пооперативнее стряпали свои бумажки. А то, бывает, придешь к нашим «бухам», а они все никак не расколупаются с расчетами.

– Расколупаются, расколупаются... – пообещал генерал. – Кстати, Лева! А что там с делом «черных маклеров»? Ты его еще не сдал?

– Петро, сдам, как только вернусь из Мокрова! Время, уважаемый, время!..

Помахав приятелю-начальнику рукой, Гуров вышел из кабинета в приемную и сразу наткнулся на одного из «фотошоперов», который, увидев его, протянул ему лист принтерной бумаги с изображением какого-то малоприятного типа с костистым, перекошенным по диагонали лицом.

– Лев Иванович, фоторобот готов!

– Отлично! – кивнул Лев и тут же распорядился: – Это изображение разослать везде и всюду в пределах Москвы и области, особенно по вокзалам и аэропортам. Где там наша свидетельница?

– Наташа? Ждет отправки на Павелецкий.

– Хорошо... Время у меня еще есть, доставлю сам. Скажи ей, что едем прямо сейчас, я только забегу в бухгалтерию.

...На Павелецкий вокзал он прибыл достаточно быстро, хотя уже начался предобеденный час пик. Припарковавшись перед зданием вокзала, Гуров остановил проводницу, которая собиралась выйти из машины:

– Наташа, мы не прощаемся – я еду в Журавск на вашем поезде и именно в вашем вагоне. Почему? На всякий случай. Этот человек для вас может быть чрезвычайно опасен, поэтому мое присутствие никак не будет лишним. Кстати, об этом стоит предупредить и всю вашу бригаду. Вот, возьмите копии фоторобота, раздайте всем проводникам. Но еще раз напомню: если этот тип у кого-то вдруг появится, пусть немедленно ставят меня в известность. И чтобы без самодеятельности!..

Одарив его улыбкой, девушка быстро убежала, а Лев, снова вырвав на дорогу, помчался домой. Когда он уже парковал машину у своего подъезда, запиликал его телефон. Звонил Стас.

– Лева, ты куда-то отбываешь? А я? Я тоже не против того, чтобы посмотреть родные просторы. Кстати! Ты, я так понял, собираешься ехать вместе с обворожительной «няшкой»-Наташкой? Да? – В его голосе звучала столь жгучая зависть, что не рассмеяться было невозможно.

– Коне-е-чно! – с нотками многозначительной иронии подтвердил Гуров. – Именно из-за нее я и отбываю в Журавск. А ты сомневался? Эх, Стас, Стас... Как говорится, кто про что, а вшивый – про баню. Если серьезно, то у меня есть подозрения, что на Наташу в дороге может попытаться напасть киллер: она же потенциальный свидетель! Если я вдруг ошибаюсь в своих прогнозах, слава богу! А если нет, то-о... Сам понимаешь!

– А мне, значит, теперь придется тащиться на этот идиотский симпозиум? Да? – с укоризной ответил Стас. – Вот радости-то полные штаны! Ой-ей-ей!.. Ну ничего! Денек там поболтаюсь, что-нибудь совру и махну следом за тобой.

– Ты думаешь, Петропустит?

– А то ж! Пусть попробует не пустить!

Как и следовало ожидать, Марии дома не оказалось. В это время она обычно находилась на репетиции в театре. Набрав номер костюмерной, Гуров попросил передать Марии Строевой, что срочно уезжает по служебным делам на несколько дней. Заодно попросил передать и свои извинения в связи с тем, что сегодня вновь не сможет попасть на спектакль. Быстро уложив сумку, Лев захватил с собой и кое-какие продукты из холодильника – рассиживаться с обедом времени не было, а голод уже разгулялся не на шутку.

Он отогнал «Пежо» в гараж и, выйдя на автобусную остановку, вскоре уже ехал в сторону Павелецкого вокзала. Купив в кассе заранее заказанный билет, отправился на посадку, которая шла полным ходом. Выбрав момент, когда очередь перед проводницей иссякнет, Лев подошел к Наташе и, подав ей билет и паспорт, негромко проговорил:

– Наташа, для всех в вагоне мы с вами видим друг друга впервые. Не исключено, здесь есть сообщник киллера, который будет заниматься наводкой. Поэтому ко мне ваше отношение

должно быть подчеркнуто холодным. Тем не менее! В те моменты, когда вы будете ложиться отдыхать, я должен быть рядом с вами, в вашем купе. Кроме того, я должен быть где-то рядом и ночью, когда вы будете заниматься посадкой-высадкой пассажиров на промежуточных станциях. А сейчас с нервозностью суньте мне обратно паспорт и скажите достаточно громко: «Мужчина, в ваших комплиментах я не нуждаюсь!» Ну?

Усилием воли подавив улыбку, Наташа размашисто вручила Льву документы и строго объявила:

– Мужчина! В ваших комплиментах я не нуждаюсь!

С громким вздохом изобразив разочарованную улыбочку донжуана-неумехи, Гуров сокрушенно пожал плечами и поднялся в тамбур. Откуда-то сбоку до него донесся голос проводницы пятого вагона:

– Что, и этот клеить надумал? Ох, Наталья, везет тебе на ухажеров! Вот и верь тому, что «не родись красивой»! Тут скорее не родишься красивой – не будешь и счастливой!

Шагнув из тамбура в коридорчик, Лев разминулся с долговязым патлатым парнем, который, судя по всему, собрался выйти на перрон и покурить. Казалось бы, в этой случайной встрече ничего особенного не было. Но у Льва отчего-то вдруг появилось ощущение, что этот тип встретился ему не случайно. Возможно, он даже стоял в коридорчике последние несколько минут, вслушиваясь в разговоры, доносящиеся с перрона.

Вагон был наполовину пуст, поэтому, найдя свой «кубрик», Гуров ничуть не удивился тому, что оказался его единственным обитателем. Это намного упрощало задачу контроля за обстановкой в вагоне и давало возможность надолго покидать свое место, не обращая на это чьего-либо внимания. Вскоре поезд тронулся. Под стук колес за окном вагона проносились столичные пейзажи. Когда в купе вошла Наташа, подавая ей документы, Лев вполголоса произнес:

– Обратите внимание на долговязого с длинными черными волосами – очень мутный тип. Кивнув в ответ, проводница громко предложила:

– Чай будете заказывать? Есть печенье, вафли, минеральная вода и соки!

Столь же громко Лев выразил свое полнейшее одобрение предложенному:

– Чай – обязательно! С лимоном. Да! И пачку печенья, пожалуйста, на ваш вкус.

– Хорошо! Заказ принят!

Кивнув, Наташа отправилась в соседнее купе. Судя по всему, возможные угрозы она всерьез не воспринимала и видела во всей этой конспирации не более чем игру наподобие общеизвестных «казаков-разбойников».

«Детский сад! – глядя ей вслед, подумал Гуров. – Она живет наивными представлениями, будто в своем доме и стены помогают. Было бы оно так и на самом деле!..»

Впрочем, как и следовало ожидать, до самого позднего вечера чего-то экстраординарного в вагоне не происходило. Лев еще дважды сходил за чаем, успев предупредить Наташу о том, что, когда она соберется лечь отдыхать, напоследок ей нужно будет пройти по вагону и, остановившись у его купе, спросить: «У вас все в порядке?» После этого, выбрав удобный момент, он незаметно зайдет к ней и будет ждать там возможного визита киллера.

Если сказать по совести, то Гуров и сам до конца не был уверен в том, что тот и в самом деле может здесь появиться. Однако случившееся с Людмилой Самойловой не давало ему покоя, и он опасался допустить еще один, будь то вольный или невольный, но, как ни верти, промах.

В двенадцатом часу, когда в вагоне погас основной свет и наступила полутьма, разрежаемая лишь ночной подсветкой, проходя мимо его купе, Наташа задержалась и негромко произнесла условную фразу:

– У вас все в порядке?

– Да, да, все отлично! – кивнул Гуров, мимикой и жестами дав понять, что через минуту будет у нее.

Он снял с верхней полки свернутый в рулон матрац и быстро соорудил из него и второй подушки муляж человека, укрывшегося с головой одеялом. Окинув критичным взглядом свое «творение», с беззаботным, сонным видом прошептал через вагон, как бы направляясь в туалет. Не обнаружив возможных соглядатаев, быстро отодвинул дверь купе проводников и проворно вошел внутрь. Наташа сидела на своем диване и вопросительно смотрела в его сторону.

– Так, можете ложиться отдыхать, ни о чем не беспокоясь, – деловито произнес Лев. – Я присяду вон туда, – указал он на некое подобие вагонной табуретки. – О! Здесь какой-то халат... Он у вас для уборки? Отлично! Его я возьму, чтобы им можно было замаскироваться. Значит, расклад у нас таков. Если кто-то попытается отпереть дверь, я накрываюсь халатом и жду, когда наш непрошенный гость войдет внутрь и закроет за собой дверь. Все! Его я тут же беру с поличным и... Дело в шляпе! Ближайшая станция через сколько?

– Через два с половиной часа...

– Все, спите! Вам следует отдохнуть.

Признавательно улыбнувшись, Наташа легла на диван и вскоре, как понял Лев, задремала.

Прошло около часа. Чуть покачиваясь на бегу и неумолчно стуча колесами, поезд неумолимо мчался к пункту своего назначения. От вынужденного сидения в одной позе у Гурова немного затекла спина. Ему вдруг даже подумалось, что скорее всего зря он затеял эту засаду, лишив себя нормального отдыха. «Ну ладно, – рассудил он, – доедем до той станции, проконтролирую посадку-высадку. Если все будет нормально, пойду спать!»

Прошло еще примерно с полчаса, и вдруг... Льву вначале показалось, что он ослышался – со стороны двери донеслось непонятное похрустывание. Гуров напрягся и поспешил укрыться халатом, чтобы его сразу не заметили, зато он сам мог видеть того, кто войдет в купе. Через несколько мгновений что-то зашуршало, чуть слышно щелкнуло, и дверь бесшумно отъехала вбок. В купе осторожно заглянул какой-то тип в зеленой дачной панаме, интеллигентских очках с тонкой оправой, с рыжеватыми усами и бородкой, затем бесшумно шагнул внутрь и закрыл за собой дверь. Сунув руку в карман джинсов, он достал что-то продолговатое, и в тот же миг Лев резко сбросил с себя халат таким образом, чтобы он накрыл «гостя». Почти одновременно с этим кулак Гурова сокрушительным ударом опустился на голову неизвестного. Она с тупым стуком отрывисто ударилась затылком о дверь, и чужак безвольно осел на пол. Отбросив в сторону халат, Гуров рывком поднял его и посадил на свое место.

– Ой, что это?! Кто это?! – вскочив с дивана, растерянно восклицала Наташа.

– Это тот самый киллер, которого я и ждал, – совершенно буднично пояснил Лев, пытаясь привести неизвестного в чувство. – Эй, «мокрушник»! Просыпайся! Хм-м... Что за чепуха? Кажется, я малость перестарался. Он в коме, что ли?

Действительно, несмотря на все его старания и применение самых разных методик вывода из бессознательного состояния, неизвестный не приходил в себя.

– О ч-черт! – раздосадованно бормотал Гуров, не ослабляя своих усилий. – Ну, что ты будешь делать? Что за незадача! Ну-ка, погоди-ка...

Он снова похлопал ладонями по лицу киллера, снова потер его уши, прижав их к голове, но тот на это никак не отреагировал.

– Кстати, усы и борода у него фальшивые... – заметил Лев, снял с лица неизвестного очки, оторвал его усы и бороду и увидел перед собой не кого иного, как все того же Слонищева, которого до этого видел только на фотороботе. Проверил пульс на запястье чужака – он едва ощущался, зрачки были до предела расширены. – Ну и дела!.. Как бы не преставился...

– Вам за него теперь придется отвечать? – с сочувственным беспокойством спросила Наташа.

– Ну разве что выговор схлопочу за то, что слишком жестко произвел задержание... – негромко рассмеялся Лев. – Он ведь пришел сюда не просто так, а убивать. Ну-ка, что он там вам приготовил?

Гуров достал из кармана носовой платок и осторожно поднял с пола некое устройство, искусно сработанное каким-то умельцем из нержавеющей стали, которое скорее всего было автоматическим шприцем с ускоренным выбросом содержимого.

– Этим он убил ту женщину, этим же хотел убить и вас...

– А ее он за что убил? И почему хотел убить меня? – с безмерным недоумением и боязнью в голосе спросила Наташа – похоже, до нее только теперь дошло понимание того, что всего минуту назад она сама могла умереть. Это открытие ее настолько потрясло, что ее ноги внезапно подкосились, и она обессиленно опустилась на свой диван.

– Спокойствие! Спокойствие! – Лев быстро налил в стакан минералки, дал выпить девушке и, присев перед ней, приятельски улыбнулся: – Пугаться уже ни к чему. Все закончилось, к счастью, даже не начавшись. Ту женщину он убил по приказу своих хозяев – она собиралась обратиться к нам за помощью в расследовании убийства ее мужа. А вот вас он решил убрать, я так думаю, сам, как опасного свидетеля. Скорее всего тот патлатый – его подручный. Видимо, еще там, на вокзале, он проследил за вами, и когда им стало ясно, что не без вашей помощи мы можем найти и задержать Слонищева, этот отморозок и надумал от вас избавиться.

– Неужели для них это так просто – пойти и убить человека? – проведя по лицу ладонью, прерывисто вздохнула девушка.

– К сожалению, да... Есть категория, откровенно говоря, нелюдей, для которых убить человека – то же самое, что прихлопнуть мелкую козявку. И этот Слонищев – именно такого пошиба. Так! Мне надо бы созвониться со своим начальством... Ну не одному же мне сегодня мучиться бессонницей?!

Слушая его, Наташа вымученно улыбнулась. Гуров достал свой телефон и набрал номер Орлова. Услышав в трубке заспанный голос генерала, он рассказал о происшедшем в поезде.

– Девушка не пострадала? – выслушав его, первым делом поинтересовался Орлов.

– С ней все нормально. Ближайшая станция, где стоянка у нас не менее двадцати минут, – это Фоминцево. Пусть вышлют «Скорую» и наряд, чтобы взять сообщника этого Слонищева.

– Смотри уж, второго-то не грохни! – предупредил генерал, и в трубке раздались короткие гудки.

Оглядевшись, Лев спросил:

– Какого-нибудь крепкого шпагата или хотя бы шнура у вас нигде тут не завалилось?

Наташа, кивнув, достала из-под дивана моток полипропиленового шнура. Гуров отрезал длинный кусок и крепко стянул меж собой руки Слонищева, да еще и примотал их к кронштейну стола. Поймав удивленный взгляд проводницы, он пояснил:

– Как говорится, береженого бог бережет. Через сколько мы прибываем?

– Меньше чем через полчаса...

– Вот и замечательно. Вы можете остаться здесь или, скажем, заняться какими-то своими делами. Ну а я пошел брать его напарника.

– Я тоже выйду отсюда. И страшновато, да и дел хватает.

Они вышли из купе, и Гуров сразу же заметил, как в другом конце вагона метнулась чья-то тень. Уж не патлатый где-то тут стоял «на стреме»?

– Так, Наташа... – спросил он. – Где у нас обитает тот патлатый?

– В последнем купе. У него верхняя полка слева.

– Все ясно, пока оставайтесь здесь!

Лев достал из подплечной кобуры пистолет и, пряча его за пазухой, зашагал в сторону крайнего купе. Но в этот момент из него выскочил тот самый «фитиль» и, испуганно взглянув в сторону Льва, опрометью ринулся в промежуточный тамбур, где немедленно скрылся за

дверью туалета. Щелкнул замок. Теперь ее можно было открыть только специальным ключом. Наташа, без пояснений поняв суть происходящего, кинулась к своему купе, но в этот момент из-за двери туалета донесся звон битого стекла. Гуров выбежал в большой тамбур и прильнул к дверному окну. Выбравшийся из туалета патлатый, раскачиваясь на руках, сильным толчком отбросил себя в сторону откоса железнодорожного полотна. Однако, как видно, он плохо рассчитал момент толчка, поэтому попал не в промежуток между опорами контактного провода, а прямо в один из столбов. Судя по тому, что об угол железобетонной опоры он ударился головой, вряд ли можно было надеяться на то, что ему удалось выжить.

Мысленно выругавшись в несколько «этажей», Лев вернулся обратно в вагон. В этот момент Наташа прибежала с ключом и открыла дверь туалета, в котором привольно гулял свежий ночной ветер. Всплеснув руками, она захлопнула дверь и вопросительно взглянула на Гурова:

– Он что, сбежал? То есть надо понимать так, что он и в самом деле был заодно с этим отморозком?

– Безусловно! – утвердительно кивнул Лев. – Этим он себя и выдал. А вот насчет того, удалось ему бежать или нет, – вопрос остается открытым. Похоже, он очень даже крепко впился теменем в бетонный столб, так что шансов выжить у него крайне мало. Наташа, я вижу где-то далеко огоньки Фоминцева. Минут через пятнадцать мы будем там. Нас с вами будет расспрашивать местная оперативная группа, поэтому нам уже сейчас нужно обговорить версию происшедшего здесь.

– Лев Иванович, а разве мы не можем прямо сказать, как было на самом деле? – окинула его удивленным взглядом проводница.

– Нет, Наташенька, и вот почему... Впрочем, идемте в мой «кубрик», обговорим эти вопросы без косых взглядов и лишних ушей.

Когда они шагнули в купе, девушка, невольно приостановившись, вдруг прошептала:

– Лев Иванович! А кто это на вашем месте расположился?

– Не «кто», а «что»! – негромко рассмеялся Лев. – Это муляж, чтобы все думали, будто я сплю на своем месте. Так вот, о нашей версии... Случившееся на вокзале с Людмилой Самойловой и то, что могло бы произойти с вами, – лишь отдельные фрагменты огромной криминальной «мозаики». Многие из того, что нам с вами известно, относится к категории тайны следствия, разглашение которой людям, во все его тонкости не посвященным, может нанести урон нашему расследованию. Поэтому, кто бы вас ни расспрашивал – мои коллеги, представители прокуратуры или СМИ, – рассказ должен быть примерно таким... Слонищева вы не знаете, сегодня ночью увидели его впервые. Когда вы спали, он каким-то образом открыл дверь вашего купе. Вы в этот момент проснулись, подумали, что этот человек – кто-то из ваших пассажиров, поэтому и не стали звать на помощь.

– Ясно... – кивнула Наташа. – А дальше?

– Я случайно проходил мимо и, увидев проникновение неизвестного в ваше купе, заподозрил, что у него недобрые намерения. Воспользовавшись тем, что вы спросонья плохо ориентируетесь, он схватил подушку и попытался вас ею задушить. В этот момент я вошел в купе и нанес ему удар кулаком в голову. Он упал, обо что-то ударившись головой. Перед тем как прийти вам на помощь, я заметил, что в проходе вагона маячил какой-то подозрительный тип. Решив проверить его документы, я пошел к нему, но он бросился наутек, заперся в туалете и, разбив окно, выбросился наружу. Запомнили? Отлично! И старайтесь не углубляться в детали – в этом очень легко завязнуть и оказаться в не очень удобном положении.

– Хорошо, Лев Иванович, я все запомнила. Пойду готовиться к прибытию на станцию.

– А я развяжу Слонищева, а то потом очень трудно будет объяснить своим коллегам обстоятельства случившегося с ним...

Сразу же после того, как поезд остановился и Наташа открыла дверь тамбура, в вагон вошли двое полицейских – капитан и старший лейтенант. Следом за ними появились два санитара с носилками. Они унесли Слонищева в карету «Скорой», и белый фургончик с крестами быстро исчез за пределами перрона.

Пока Наташа занималась посадкой-высадкой пассажиров, Гуров в своем купе, подсвечивая коллегам фонариком, помог им составить лаконичный, но внятный протокол. Подошедшая проводница, сжато рассказав им о случившемся в интерпретации Гурова, тоже поставила свою роспись, на чем формальности были завершены. По просьбе местных оперов она назвала примерное место дороги, где можно было бы найти тело патлатого.

Когда поезд снова покотился по рельсам со все убыстряющимся перестуком колес, Лев наконец-то смог лечь на свое место и собрался уснуть, но сделать этого ему не удалось. Завибрировав под подушкой, запиликал телефон, выдавая незабвенное «Как хорошо быть генералом...». Лев нажал на кнопку включения связи и быстро вышел в тамбур. Сквозь доносящийся снизу грохот колес он услышал голос Петра:

– Лева, что там у тебя?

– О! А ты что, не спишь? – изобразил искреннее недоумение Лев.

– Ну ты, как говорят молодые, перец! – возмутился генерал. – Разбудил в такой момент, когда нормальные люди уже третий сон досматривают, нагрузил такой информацией, что хрен уснешь, даже если захочешь, и тут же с невинным видом удивляется: а чего это я не сплю?!

– А-а... Ну извини! Короче, ты хочешь спросить, что тут у нас происходит? Докладываю: сплошная хреновина с морковиной. Врачи по поводу Слонищева сказали, что он вроде бы не безнадежен, но в сознание придет не раньше, чем дней через десять. А вот что касается сообщника... С этим совсем хреново. Я опасался, что он сбежит, поэтому решил взять его сам. А он, зараза, успел шмыгнуть в туалет, заперся там, разбил окно и надумал бежать на полном ходу поезда.

– Ну, и? – напряженно выдохнул Орлов.

– Прыгнул, идиот... – сочувственно, даже с оттенком скорби, произнес Лев. – Врезался при этом макушкой в железобетонный столб. Думаю, мозги вылетели напрочь. Опера из Фоминцева уже знают, где его примерно следует искать. Пообещали позвонить, если найдут.

– Лева, я в диком, неописуемом восторге! – Судя по интонации, Орлов лишился последних остатков сна. – Ну Лева! Ну бракодел! Выходит, оба источника информации о преступном сообществе фактически утрачены... Вот уж теперь-то я точно не усну!

– Какая неприятность... Слушай, а давай спую тебе колыбельную-генеральскую! – с оттенком утрированного простодушия предложил Гуров.

– Это что еще за колыбельная? – насторожился Орлов.

– Спя-я-т уста-а-лые-е лам-па-сы, звезды спя-я-я-т! Трам-пам-пам-пам-пам!.. – начал выводить Лев, но генерал, громко фыркнув, перебил этот вокал:

– Да ну тебя! У Стаса, что ль, научился, комедиант несчастный? Ладно, отдыхай! Прибудешь на место – позвонишь!

Вернувшись в свое купе, Гуров лишь опустил голову на подушку, как тут же безмятежно уснул. Что ему снилось, он не запомнил. В памяти осталось лишь что-то феерически-воздушное, будоражащее, волнующее, вспенивающее кровь... Последний раз такие сны он видел еще в десятом классе. Проснулся Лев от чьего-то прикосновения к плечу и, открыв глаза, увидел склонившуюся над ним Наташу, которая негромко объявила:

– Через полчаса будем в Журавске! Как спалось?

– Бесподобно! Как на курорте... А вам как после ночных приключений?

На лице девушки промелькнула усталая улыбка.

– Да ничего... Немного поспала – мне хватило. Чаю принести?

– Да, неплохо бы... И обязательно с лимоном!

Глава 3

Шагнув из вагона на перрон, Гуров попрощался с Наташей и, вдыхая сыроватый речной воздух – через город, деля его на две части, протекала река Журава, – направился к пешеходному виадуку, ведущему к автовокзалу. Он поднимался по ступенькам и озирали окрестности, отчасти уже знакомые по предыдущей поездке. Да, по сути, тут ничего не изменилось. Провинция – она и есть провинция, с нищим бюджетом и колоссальными долгами, с обезлюдившей глубинкой и криминальными «боярами», доворовывающими то, что не успели разворовать еще в «лихие девяностые»...

На автовокзале народу было не слишком много – середина недели, кому и куда спешить? Это перед выходными и после них автобусы забиты студентами и жителями сельских районов, устроившимися работать в Журавске. К тому же сейчас хоть и позднее, но все еще утро. «Ранние пташки» уже упорхнули с первыми утренними рейсами, а поздние еще не проснулись.

Постояв минут десять в очереди к кассе, Лев взял билет до Мокрова. До отбытия времени еще было достаточно, и он решил походить по окрестностям автовокзала. Описав «круг почета» по близлежащим улочкам, Гуров оказался в заброшенном, неухоженном скверике, отгороженном от привокзальной площади плотным рядом сувенирных, продуктовых и всяких прочих киосков. Судя во всему, здесь когда-то летней порой отдыхали пассажиры перед отправкой в дальнюю дорогу. А потом торгаши отрезали скверик от посадочного терминала своими будками, и он превратился в замусоренный бомжатник.

Выбираясь из этих захламленных, изобилующих дикой порослью «дебрей», Лев увидел обосновавшуюся на некогда заасфальтированной дорожке компанию из четырех подозрительного вида граждан разного возраста и комплекции. Сидя на деревянных ящиках вокруг импровизированного стола из большого листа полированной древесно-стружечной плиты, положенной на такие же ящики, участники этого «саммита» резались в карты. Как можно было догадаться, игра шла по крупной. К тому же «турнир» сопровождался обильными возлияниями – рядом с игроками валялось несколько пустых водочных бутылок.

Когда Гуров уже миновал компанию, сзади него неожиданно послышалось сказанное сытым, солидным басом:

– Мужик, закурить найдется?

Оглянувшись, он окинул взглядом соискателей халявного курева и лаконично уведомил:

– Бросил!

Самый крупный из игроков, с обтянутыми уже выцветшей тельняшкой широченными плечами и «рюкзаком» отвисшего живота, дымя сигаретой, многозначительно пробасил:

– А если поискать?

– А попробуй! – простецки предложил Гуров, словно речь шла о чем-то очень забавном и совершенно безобидном.

Самодовольно ухмыльнувшись, верзила положил свои карты, вышел из-за стола и направился к этому «наивному лоху», которого было бы просто грешно не «пощипать». Безмятежно улыбаясь, Лев переложил дорожную сумку из правой руки в левую и, подав свободную руку здоровяку, приветливо проговорил:

– Доброе утро! Как поживаете?

Тот, самодовольно хохотнув (пошлет же судьба такого тупого, наивного фраера!), стиснул его кисть своей квадратной ладонью, изо всей силы сжав толстыми волосатыми пальцами. Он ожидал болезненного вскрика и мучительных стонов незнакомца, однако сразу же понял, что этот «лох» на самом деле очень даже «крепкий орешек». Более того! Неожиданно пальцы «лоха» тоже стиснули его руку, и как стиснули-то! Здоровяку, у которого от боли даже перехватило дыхание, показалось, что его рука попала в петлю, свитую из стального троса, которую

внезапно затянул какой-то мощный механизм. Выпучив глаза, он задергался, пытаясь освободиться, но «наивный фраер», все так же непринужденно улыбаясь, еще больше усилил нажим. По лицу верзилы, ставшему свекольно-красным, побежал обильный пот, в глазах у него потемнело, и он, не выдержав этой муки, еле смог выдать, упав на колени:

– Хватит! Хватит! Братан, извини!..

– Ну хватит так хватит! – Отпустив его руку и приятельски улыбаясь, Гуров продолжил путь, помахав напоследок окаменело вытаращившейся в его сторону компании.

Когда наконец объявили посадку, он занял свое место на промятом кресле старенького рейсового автобуса. Подпрыгивая на бугристом асфальте, ветеран пассажирских перевозок хрипло ревел выработавшим все свои моторесурсы двигателем, выбрасывая из выхлопной трубы струю синего дизельного дыма.

Соседкой Льва оказалась пожилая женщина интеллигентной наружности. Скорее всего или отставная сотрудница уездных административных структур, или бывшая школьная учительница. Чтобы ненавязчиво завязать разговор, он поинтересовался, долго ли ехать до Мокрова. Соседка, взглянув на часы, дружелюбно уведомила, что к двенадцати на месте они должны быть обязательно, и тут же сама проявила любопытство:

– А вы откуда, если не секрет? Вы, наверное, к кому-то в гости?

Изобразив бойкую деловитость, присущую нынешнему сословию торгового менеджмента, Лев отрекомендовался:

– Я из Москвы, по делам коммерческим. Представляю фирму, выпускающую электротовары типа ширпотреб – электрические чайники, плитки, кипятильники... В самом Журавске наши товары уже реализуются, а вот в сельских райцентрах пока еще нет. Вот хочу изучить местную конъюнктуру, и, может быть, удастся заключить какие-то договора... Кстати, меня зовут Лев Иванович, я представитель фирмы «Полус-Максимум».

С уважительным удивлением окинув его взглядом, женщина тоже представилась:

– Клавдия Романовна, до пенсии работала учителем русского языка и литературы. А я сразу поняла, что вы человек не из местных. Что-то совсем не здешнее у вас и в одежде, и в манерах... И надолго вы к нам?

– Все будет зависеть от того, как пойдут дела. Но дня на три-четыре рассчитываю. Мне же надо будет проехать и по некоторым другим райцентрам... Бизнес есть бизнес! Район-то у вас хоть богатый?

– Да как сказать? Вроде на плаву, но и в деньгах не купается. Как и многие другие в нашу нынешнюю пору. Хотя, конечно, если откровенно... – Клавдия Романовна неожиданно осеклась и, махнув рукой, с натянутым смехом заключила: – Да все у нас хорошо, сами увидите.

С вежливой улыбкой Гуров понимающе кивнул в ответ, мысленно отметив, что сказать его собеседница хотела что-то совсем иное, но явно испугалась своей откровенности, хотя, собственно говоря, ничего особенного-то и не сообщила. Но почему-то даже этот нейтральный разговор вдруг напряг ее не на шутку, и она поспешила его оборвать.

– Ну да, разумеется... – кивнул Лев. – Ведь как говорят? Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Кстати, мне говорили, что у вас там на озерах классная рыбалка. Ну сами-то вы, я так понимаю, не увлекаетесь? А вот, может быть, кто-то из ваших знакомых любит посидеть на бережку с удочкой? Я рыбак со стажем. Меня медом не корми – дай порыбачить...

– Говорят, что на Афанасьевских озерах рыбы очень много. А вот кто у нас рыбак такой заядлый?... Да вот же, мой бывший ученик, Саша Ковалев. Он работает на вахте в Питере, а как приезжает домой, так сразу бежит рыбачить. Хоть зимой, хоть летом. Сейчас с этим сложнее стало, потому что... Ой, ну это уже лишнее... – Клавдия Романовна вновь оборвала себя.

– А Саша Ковалев, он сейчас здесь? – спросил Лев, вновь «ничего не заметив».

– Да, да, должен быть дома, – кивнула его собеседница. – Он где-то дня три назад приехал. Если хотите, могу вас с ним познакомить. У него удочек – чуть ли не сотня штук. А дру-

зей, можно сказать, полгорода. И среди них тоже много рыбаков... Вы, кстати, где планируете остановиться?

– Или в гостинице, если таковая имеется, или где-нибудь сниму квартиру... Может быть, с этим что подскажете?

– Гостиница? На въезде в город есть одна. Но можно снять и квартиру. Правда, это только через риелторов. Их объявлениями все столбы обклеены. Ну а про гостиницу что сказать? Сама я там ни разу не была, но с виду вроде бы смотрится ничего... Правда, кафе у них там, говорят, дорогое. А квартиру в пределах пятисот-тысячи рублей в сутки снять проще простого.

Когда показались окраины Мокрова, Гуров увидел перед транспортной развязкой на въезде в город довольно длинную, построенную в форма каре помпезную двухэтажку с зеленой кровлей, по форме напоминающую дальневосточную пагоду. По всем углам здания высились затейливые башенки с флюгерами. Во всю стену над главным входом была изображена скачущая лошадь с развевающейся гривой и хвостом. Конек крыши венчали объемные буквы «HOTEL», а чуть ниже – «Необъезженный мустанг». Снисходительно улыбнувшись, Лев указал взглядом в сторону «отеля»:

– Занятое заведение! Надо глянуть, что там внутри! Кстати! Если вы не против, оставлю вам номер своего телефона. Если Саша Ковалев сочтет возможным – пусть мне позвонит. Буду ему очень признателен!

Он достал из кармана записную книжку и, вырвав из нее листок, быстро вывел на нем шеренгу цифр. Помахав Клавдии Романовне, вышел из автобуса и, повесив сумку на плечо, через распахнутые настежь ажурные декоративные ворота зашагал к вестибюлю гостиницы. Судя по всему, построена она была не так уж давно. Что сразу бросилось в глаза – постояльцев здесь было вовсе не изобилие. На парковке во дворе стояло всего три авто, причем не самого высокого класса – уровня «Фольксвагена Пассата» и «Шкоды Октавии», причем не первой новизны. Толкнув входную дверь, Лев вошел внутрь.

Просторный холл был оформлен под салун американского Запада позапрошлого века, с развешанными на стенах томагавками и индейскими луками, видами пампасов, скачущих табунов мустангов и стад угрюмых бизонов. Увидев гостя, к нему тут же подошел портье, одетый по всем канонам ковбойской моды (даже кольт имелся в шикарной кожаной кобуре!), и, изобразив приветливую улыбку, поинтересовался:

– Желаете остановиться в нашем отеле? Вэлкам! Цены очень даже божеские – тысяча рублей в сутки.

– Ну давайте попробуем остановиться... – еще раз оглядевшись, усмехнулся Лев. – Надеюсь, клопы и тараканы раньше меня здесь не заселились?

– Ну что вы! – еще жизнерадостнее заулыбался «ковбой». – Такой экзотики у нас сроду не водилось! Вон в том углу – да, живность имеется. Но, сами видите, вполне миролюбивая. – Он указал на висящую под потолком просторную клетку с сидящим в ней крупным серым попугаем жако, потряхивающим своим ярко-красным хвостом. Птица внимательно наблюдала за незнакомым человеком, время от времени громко щелкая клювом. На полу был оборудован небольшой террариум, в котором под лампочкой флегматично грелась пустынная черепаха.

Получив ключ от комнаты на втором этаже, Гуров направился к лестнице, но в этот момент портье его снова окликнул:

– Простите за назойливость – надеюсь, вас этот вопрос не оскорбит... Но вы предпочитаете одиночество или, может быть, испытываете потребность в компании, в чем-то приятном обществе?

Лев сразу же понял, о чем идет речь, и задал встречный вопрос:

– Вы имеете в виду женское общество?

«Ковбой», изобразив многозначительную улыбку, чуть развел руками.

– Я подумаю... – кивнул Гуров, поднимаясь наверх.

– Гешка, рому хочу! Гешка, рому хочу! – вдруг требовательно заорал попугай, изобразив трель телефонного звонка.

Войдя в свой номер, Лев огляделся. Судя по запахам, более свойственным магазину строительных товаров, здесь не так давно проводился ремонт. Окно комнаты, обставленной на уровне, соответствующем мебелировке провинциальной гостиницы, выходило в сторону дороги. Отсюда отлично просматривался и весь двор. Для «всякого пожарного» случая это было очень даже кстати. На столе лежал отпечатанный на принтере список телефонных номеров городских такси (как оказалось, в Мокрове есть три таксопарка), а также двух саун и ночного кафе «Олимпия».

Он прошелся по комнате, бросил сумку в угол и достал свой телефон. Набрал номер Игоря Смольнова, услышал усталый голос опера:

– Да, я слушаю...

– Игорь, добрый день. Это Гуров.

– Лев Иванович?! Вы уже в Мокрове?

– Да, только что приехал. Как бы нам увидеться?

– Лев Иванович, увидеться сможем только завтра – я сейчас в Журавске. Приехал в областное УВД разбираться со своим увольнением.

– Вот как?! И когда же это случилось?

– Да сегодня утром. Объявили, что на меня поступило заявление от некой гражданки Шпасиной, будто я якобы пытался ее изнасиловать. Поэтому я не только уволен, но уже, по сути, подозреваемый. Прокуратура открыла уголовное дело.

– Ничего себе!.. А вы с ней знакомы?

– Да, познакомились в ходе расследования дела о похищении и продаже в сексуальное рабство несовершеннолетней. Подозреваемой была эта самая Шпасина. Кстати, она школьный учитель потерпевшей. Я раскрыл это дело и неделю назад передал материалы в прокуратуру. Но сама же прокуратура его развалила. Признательные показания обвиняемой были признаны полученными незаконным путем. Да еще и потерпевшая неожиданно заговорила совсем не так, как показывала ранее, вроде того: это я сама виновата, это я сама так захотела. Видимо, или купили, или запугали.

– Да-а... Ситуация!

– Лев Иванович, я думаю, это был конкретный заказ здешней правящей верхушки. Завтра утром приеду, расскажу много чего такого, что вообще ни в какие ворота. Кстати, как там Людмила Самойлова? Надеюсь, уж она-то не откажется от намерения довести расследование смерти своего мужа до конца?

– Об этом поговорим при встрече.

Общаясь с Игорем, Лев с какого-то момента вдруг ощутил непонятное напряжение, как если бы где-то рядом с ним находился нежелательный соглядатай. Внутреннее чутье подсказывало: в воздухе пахнет опасностью. Определившись со временем завтрашней встречи, он выключил связь и мысленно проанализировал только что состоявшийся разговор. Как будто ничего такого, что могло бы вызвать у кого-то постороннего подозрения, он не сказал. Поэтому, даже если здесь есть прослушка, она едва ли могла выудить что-то компрометирующее.

Поскольку уже настало время обеда, а он толком и не позавтракал, Лев решил сходить в гостиничное кафе, чтобы подкрепиться с дороги. Закрыв дверь на ключ, он услышал шаги за дверью соседней комнаты. Щелкнул замок, и оттуда вышел крепкий молодой мужчина лет тридцати в светлом летнем костюме. Увидев Гурова, он вежливо поздоровался:

– Добрый день! Если не секрет, вы из каких краев?

– Москва... А вы?

– Я из Самары. Вы по делам или в гости? Лично я приезжаю сюда отдохнуть... – Эти слова сосед сопроводил многозначительно-хитрой улыбочкой и весьма фривольно подмигнул.

– Ну мне отдыхать некогда. Дела... – разводя руками, сокрушенно вздохнул Лев. – Я представляю столичную фирму «Полюс-Максимум». Электротовары и тому подобное...

– А у меня в Самаре небольшой бизнес – лет пять назад организовал контору по ремонтным и отделочным работам. Ничего, жить можно. Скучно становится – сюда наведываюсь оттянуться... Я сюда уже года три езжу. Ни разу не разочаровался...

Гуров, в свою очередь, поинтересовался качеством готовки в здешнем кафе. Евгений заверил, что стряпают здесь отменно.

– Вы в кафе? Замечательно! Я как раз собрался пообедать, так что идемте, посмотрите, что тут за харчевня...

Они стали спускаться по лестнице, и в этот момент у Льва запиликал телефон. Судя по мелодии, звонил Орлов. Приотстав от Евгения, он нажал на кнопку включения связи.

– Лева, мне сейчас позвонили из Фоминцева и сообщили, что никого у железной дороги они не нашли. Столб со следами крови – да, они обнаружили, но ни живого человека, ни трупа там не оказалось. Слушай, ты уже в Мокрове?

– Да, я на месте, поселился в дорожной гостинице «Необъезженный мустанг», сейчас иду обедать в здешнее кафе. Что у нас там новенького?

– Стас рвется к тебе. Сегодня с утра задолбал... Сказал, что через пару часов отстреляется со своим выступлением на симпозиуме и сразу же побежит на Павелецкий... Ты там как? Может, считаешь, что сам справишься? Или его к тебе действительно отправить?

– Я только «за»! Пусть приезжает.

– Ну хорошо... Сегодня же и отправлю, чтобы не канючил. Да, и вот еще что. Вчера я дал Жаворонкову распоряжение, чтобы их отдел порыскал в Интернете и посмотрел, что там есть по Мокрову. Как и следовало ожидать, в основном там лишь обычный хвалебный мусор. Но нашлось и кое-что довольно интересное. Один из сотрудников на каком-то там компроматном сайте нашел фотоснимок, подписанный «Свобода слова по-мокровски». На нем заснят момент задержания, надо понимать, мужа... этой... ммм... Людмилы. Так что досье по Мокрову уже начало пополняться.

– Очень даже здорово! Это означает, что есть тут стоящие люди, на кого опереться... До связи! – Лев сунул телефон в карман и прибавил шагу.

Пройдя следом за Евгением через холл, он вошел во вполне уютную кафешку, где за столиками, рассевшись по одному, по двое, сидели человек семь-восемь. Испытывая нешуточный голод, он заказал порцию шей, свиной эскалоп с жареной картошкой и крепкий чай. Цены для провинции оказались и в самом деле ощутимыми, но качество блюд того стоило. Евгений взял себе клуб-стейк с отварной кукурузой (он хотел со спаржей, но откуда ей взяться в такой глуши?). Обед прошел в сосредоточенном молчании, и лишь за десертом они перекинулись несколькими словами. Гуров поинтересовался качеством местного такси, и его собеседник сразу же назвал наиболее, по его мнению, стоящий таксомоторный парк – «Вояж-плюс».

– Туда на работу принимают только с нормальными, небитыми машинами, – пояснил он, отпивая кофе. – Таксистов экзаменуют регулярно. «Антилопа-гну» – похуже. У них, бывает, машины ломаются прямо в дороге. Самая хреновая шарашка – «Форсаж». Там работают на старых «жиггах», есть даже пара «Москвичей». В прошлом году на линии был даже «Запорожец»... Во анекдот!

Когда они покончили с обедом, у Льва снова зазвонил телефон. Незнакомый мужской голос спросил:

– Лев Иванович? Добрый день. Это Александр Ковалев, мне ваш телефон дала Клавдия Романовна. Она сказала, что вы мечтаете порыбачить в наших местах.

– Ну да, порыбачить настроен весьма и весьма. Был бы очень признателен, если бы кто-то организовал вылазку на природу и хорошую рыбалку. Готов не поскуписаться.

– Ну что вы, Лев Иванович! – рассмеялся Ковалев. – Вы – наш гость, и наш долг – проявить гостеприимность. Вы когда хотели бы поехать?

– Да хоть сегодня, хоть прямо сейчас!

– Прекрасно! – бодро откликнулся Александр. – Я как раз собирался поехать на карася с поплавочными удочками. Через полчаса заеду за вами. Устроит?

– Разумеется! Заранее признателен! – искренне обрадовался Гуров.

– О-о-о! На рыбалку? – многозначительно улыбнулся Евгений. – Ну каждому свое... У меня своя «рыбалка», я сегодня вечером иду в массажный салон. Сказали, что будут новые массажистки. Тех, что были до этого, я уже перепробовал. Хочется чего-нибудь новенького, свеженького...

Неопределенно пожав плечами, Лев поднялся из-за стола и отправился в свой номер собираться на рыбалку. Впрочем, его сборы заключались лишь в том, что он нашел в вещах хороший репеллент и покрыл дорожные туфли водоотталкивающим кремом, в целом его дорожный костюм и так вполне годился для похода на речку или озеро. Минут через двадцать во дворе гостиницы остановилась «Лада», из которой вышел рослый парень в клетчатой рубашке и джинсах. На голове у него была панамы-«ведерко», во рту дымилась сигарета. Оглядевшись по сторонам, он достал из кармана телефон, но в этот момент из вестибюля гостиницы вышел Гуров.

– Александр? – уверенно спросил он, направляясь в сторону незнакомца.

– Он самый! – приятельски улыбнулся парень. – Ну что, едем? Вам я взял две хорошие «телескопички». Ловить будем на распаренную пшеницу: карась берет как сумасшедший.

– Едем, едем! – Обменявшись с ним рукопожатием, Лев сел в салон машины, и она помчалась по полевым дорогам куда-то на юго-восток.

Примерно через полчаса пути они прибыли к обширным болотистым протокам, густо поросшим камышом, но с достаточно просторными «окнами» гладкой, как зеркало, синей воды. Взяв удочки, Лев устроился на утоптанном ногами рыбаков пятачке, в окружении густой осоки и кулиги камыша. Метрах в двух от него расположился Александр. Он пояснил, что именно в этих местах располагается верховье Журавы, а свое начало она берет в соседнем Золотовском районе.

– Конечно, можно было бы съездить на Афанасьевские озера – там и акватория почище, и рыбы побольше. – Александр огорченно вздохнул. – Но обычным рыболовам дорога туда заказана. Это теперь частная собственность нашего главы, так что хрен разгуляешься...

– А он давно здесь рулит? – поинтересовался Лев, разматывая удочки.

– Да, по-моему, лет семь уже... Если не больше! Хлямпиков кем-то приходится нашему губернатору. Их жены, кажется, родные сестры. Он из бывших военных, правда, из «барахольщиков», еще во времена «табуреточника» где-то на Северном Кавказе заведовал вещевыми складами. Говорили, что вроде во время ревизии выявилась крупная недостача, что-то миллионов на двадцать. Если по совести, то ему надо было бы сесть надолго. Но в ту пору это большим грехом не считалось – тащили же все, кому не лень, поэтому Хлямпикова просто выгнали со службы и дело закрыли. А может, он еще и сунул «бабла» кому следовало...

– Это у нас запросто... – согласился Гуров.

– Ну вот, приехал он в Журавск, занялся каким-то бизнесом, производить что-то там начал. По-моему, какую-то бытовую химию. А как-то среди бела дня его цех полыхнул по всей площади, и погибли пять или шесть рабочих. Опять мог сесть – ему сто раз пожарные предупреждения писали, а он на них ноль внимания. Но выручил наш губернатор. Суд вынес ему оправдательный приговор, типа того, сами рабочие виноваты, и его сунули сюда. Вот тут и хозяйничает... Что интересно, в Мокрове он, по сути, не живет, большей частью ночует у себя в Журавске, а сюда приезжает как на экскурсию, типа это у него «фазенда».

– Саш, мы в дороге разговаривали с Клавдией Романовной, и я что заметил: как только речь заходила о вашем районе, она тут же или умолкала, или мы меняли тему разговора. Я так понял, Хлямпикова здесь боятся?

Забрасывая удочку, Александр сдержанно рассмеялся:

– Да, Лев Иванович, боятся, и очень многие. И бояться есть чего. У нас очень часто те, кто недоволен местными властями, или пропадают без вести, или погибают в результате «несчастливого случая», или получают срок, скажем, за наркотики, хранение оружия, за интимные домогательства...

– А доказательства вины обвинители организуют сами... – понимающе кивнул головой Лев.

– А то! Все, что хочешь, устроят! В подвале ментовки дубасят до тех пор, пока обвиняемый не подпишет «чистуху», а потом в суде уже ничего не докажешь. Тут же и суд, и прокуратура с местной властью – «мур-мур». Года два назад тут такое было! Одного парня лет на пятнадцать упрятали в тюрьму. В ночном клубе он чем-то там не угодил сынку Хлямпикова, и на него повесили изнасилование и убийство несовершеннолетней. Скорее всего Хлямпик-младший со своими дружками все и сотворил.

– А он здесь постоянно обитает?

– Да тоже, как и папаша, наездами, поразвлечься сюда ездит. Тут-то ему полное раздолье, все у папы схвачено, а в Журавске порядки построже, там особо не разгуляешься.

Так вот, когда нашли убитую, стали искать виновного, кто это сделал. Вот парня и назначили на эту роль. Дня три его били и ломали. Он – ни в какую. Ну ему и сказали прямо и откровенно: или бери на себя, или забьем насмерть. Потом тебя найдут повешенным, а в кармане будет записка: «Признаю свою вину, замучила совесть, жить больше не могу». Ну и пришлось ему согласиться. Только этому никто не поверил, даже родные той девчонки.

– А откуда стало известно про избиение, про такой разговор?

– Его родители кому-то из ментовских «шишек» сунули денег, и тот на пять минут пустил к парню адвоката. Он ему все и рассказал. На следующий день адвоката сбила машина, и он тут же куда-то уехал. На суде его не было. Когда отец этого парня увидел своего сына в клетке с распухшим, изуродованным лицом, то схватил ружье и побежал в администрацию, чтобы рассчитаться с Хлямпиковым. Но у этого своя охрана из конченных отморозков. Они мужика на месте в упор расстреляли. Его жене и дочери дали двадцать четыре часа на то, чтобы собрать манатки и выехать в любом направлении. Ну они и уехали – вроде бы в Брянск, к родне. Сейчас там рот боятся открыть. У этой мрази руки длинные...

– Что, и до Брянска дотянутся? – недоверчиво хмыкнул Лев.

– Да хоть до Магадана! – убежденно ответил Александр. – Кстати, Лев Иванович, о том, что я вам рассказываю, – никому ни слова! Хорошо?

Лев кивнул и, глядя на гладь воды, задумчиво потер переносицу:

– Разумеется... Знаешь, Саша, я думаю, нам стоит раскрыть наши карты. Сам-то ты хранить секреты умеешь?

Удивленно взглянув на своего компаньона по рыбалке, Александр издал озадаченное «Хм-м...» и ответил:

– Лев Иванович, я служил в спецназе ВДВ, но не в том, который кулаками колет кирпичи – хотя я и это умею делать, а в группе специальной связи, имею допуск второго уровня. Так что, делайте выводы...

– Вот и отлично! – одобрительно кивнул Гуров. – Я, Саша, не коммивояжер фирмы, производящей электротехнику, а старший оперуполномоченный Главка угрозыска МВД. Полковник полиции Гуров. Вот мое удостоверение. – Он достал из кармана свою «корочку» и протянул Александру.

– Лев Иванович! – категорично махнул тот рукой. – Я вам верю и без документов. Знаете, когда вы только появились на крыльце гостиницы, я сразу же подумал, что вы – отставной военный, который устроился в коммерческие структуры. Выправку спрятать трудно... Значит, все-таки кто-то смог достучаться до Москвы?

– Да, к нам приехала жительница вашего города Людмила Самойлова, с которой мы общались по телефону. Она рассказала об убийстве своего мужа. Кстати, тебе эта семья знакома?

Ковалев наморщил лоб, видимо, что-то пытаюсь припомнить.

– Ну так... Как говорится, «шапочно». Ее мужа, кажется, Андреем звали? Ну, о его убийстве я знаю.

– Да, его звали Андреем. К сожалению, тем же днем, по прибытии в Москву, Людмила тоже была убита, причем прямо на вокзале... – Лев досадливо вздохнул и добавил: – Тебе ни о чем не говорит фамилия Слонищев?

Александр снова задумался.

– Краем уха слышал... Что-то с этим человеком было связано очень неприятное. А что? По-моему, кто-то на него заявлял в полицию, что он приставал к малолетке. Потом эту женщину вроде бы лишили родительских прав... Да, точно! В «Свиночье» была статья о том, что какая-то алкоголичка вымогала у своего соседа по лестничной площадке крупную сумму денег, обвиняя его в попытке совратить ее дочь. Но вроде следствие показало, что ничего подобного не было, а эта женщина просто задумала таким способом срубить денег.

– А давно это было?

Ковалев, на автопилоте выдернув удочку с бьющимся на крючке крупным карасем, чуть пожал плечами:

– Да, по-моему, в конце прошлой осени. Где-то в октябре...

– Саша, мне нужна самая полная информация по поводу всех этих происшествий. И насчет того парня, и о Самойловых, и об этой женщине...

– Лев Иванович, а вам и в самом деле удастся что-то сделать? Я, честно говоря, уже не очень-то и верю, что здесь, у нас, можно восстановить справедливость. Наши куда только не писали! И в область, и в Москву, и даже в ООН. А толку – шиш. Пишут письмо в Генпрокуратуру, через месяц приходит ответ из местной, как ее у нас называют, «прокурашктуры». А там черным по белому: изложенные вами факты не соответствуют действительности, ваше заявление признано клеветническим. А потом жалобщика встречают какие-то крепкие ребята и объясняют: еще раз пикнешь – на следующий день вся твоя семейка не проснется. Больше не рискуют. Кстати, у вас оба поплавка уже на дне!

– Это точно – на дне... – тягостно выдохнул Гуров, вытаскивая добычу. – Саша, там, где кончается вера в справедливость, кончается и сама жизнь. А за жизнь надо бороться! Вот и будем этим заниматься. Я сегодня завтра буду присматриваться, собирать информацию. Ну а потом... Потом начинаем действовать. Было бы неплохо найти еще несколько дельных, толковых ребят. Есть у тебя такие на примете?

– Да полно!.. – изобразил широкий жест Ковалев.

– Нет, Саша, полно – не надо, – усмехнувшись, покачал головой Лев. – Нужны ребята такие, кто умеет держать язык за зубами. Молчуны нужны. Ведь случись утечка информации – все, кранты! Эта шваль тут же кинется заметать следы. А нам нужно их взять таким образом, чтобы они потом уже не смогли отвертеться.

– Понял, Лев Иванович, понял! Есть тут у меня один знакомый, зовут его Володька Ростопшин. Тоже бывший десантник. Мы с ним по вторым числам августа уже раз несколько пересекались. Парень – кремень! Не так давно от общих знакомых услышал, что его невесту сбил своей машиной этот поганый упырек Ронька Хлямпиков. Но отвечать за ее смерть будет другой. Наши полицаи сейчас добивают какого-то наркошу, чтобы тот взял это дело на себя. Типа того, он обкурился, угнал машину Хлямпикова и задавил девчонку. Володька на ее похоронах

прилюдно пообещал найти настоящего виновника и расквитаться с ним по полной. Вот только его адреса я не знаю. Надо будет поспрашивать.

Снова закидывая удочки, Гуров обернулся в сторону ближайшей осинової рожицы – ему послышалось, что оттуда доносится гул автомобильного мотора.

– Хочу вот еще что уточнить... Ты упомянул про «длинные руки» местной уголовщины. Надо думать так, что у Хлямпикова-старшего очень широкие возможности. С чем бы это могло быть связано?

Вытащив еще одного карася, Александр тоже оглянулся – теперь уже явственно слышался приближающийся к ним гул двигателя легковушки.

– Кого-то несет сюда нелегкая... – проворчал он. – Знаете, Лев Иванович, у меня такое ощущение, что сам по себе этот «всемогущий» Хлямпиков – не более чем ширма, за которой прячется кто-то другой. Как-то в одной компании я услышал про какого-то типа по кличке Паук, который и есть главный на всей этой территории. Но кто он, где находится – вообще без понятия.

– А человека, кто об этом рассказывал, ты не запомнил? Хотя бы внешне?

– Ну вроде бы есть пара общих знакомых. Но это надо уточнить... О! Это что за хрень сюда катит? Что-то они мне не нравятся... – Ковалев через плечо взглянул на уже не первой новизны зеленую «Ниву», которая, вынырнув из-за кустов, остановилась рядом с его машиной.

Из «Нивы» вышли двое штатских и один в полицейской форме с погонами прапорщика. На его поясе болтались кобура пистолета и наручники. Подойдя к рыбакам, он с нагловатым вызовом проговорил:

– Что, браконьерим? А?

Один из гражданских – толстый, с одышкой – сипло спросил:

– Рыболовный билет и путевка есть?

С нотками возмущения в голосе Александр уточнил:

– А разве это болото считается водоемом? Это если бы мы на речке рыбачили... А тут – с какой стати?

Издав самодовольное «х-хе-хе», прапорщик уже с угрозой в голосе произнес:

– Деловой? А твои руки по «браслетам» не соскучились? – и многозначительно побренчал наручниками.

– Господа, зачем «браслеты»? У меня есть билеты, целых три штуки. Вот, ознакомьтесь! – примирительно улыбнулся Лев, достал из кармана три тысячных бумажки и протянул толстяку.

– Взятку предлагаем? – язвительно хохотнул прапорщик.

– Что вы, господа! Какая взятка? – изобразил недоумение Гуров. – Это новая форма рыболовного билета.

Толстяк, взяв деньги, одобрительно мотнул головой:

– Ладно, рыбачьте... Поехали дальше!

Прапорщик окинул Льва едковатым взглядом и, уже уходя, поинтересовался:

– А ты, мужик, откуда? Что-то я тебя не припомню...

– Да я из Подмоскovie, к племяннику вот в гости приехал.

– Ммм... – протянул тот и, подозрительно покосившись в сторону Александра, сел в кабину «Нивы», и она покатила прочь.

– Ну не твари ли? А? Уже и сюда едут обдираловкой заниматься, шакалье... Ну, бог даст, скоро свое получат!.. – вздохнул Ковалев.

Ближе к пяти вечера они поехали обратно. Притормозив у ворот, Александр кивнул в сторону «Необъезженного мустанга»:

– Кстати, Лев Иванович, эта шарашка – собственность Хлямпикова. Говорили, что здесь в каждом номере установлены потайные камеры видеонаблюдения и системы прослушки. Вам

девушек не предлагали? Здесь это не просто «панельный бизнес». Те, кто клюнул на такое предложение, потом частенько оказывались в обезьяннике, где у них вымогали нехилые бабки.

– Хм... То есть, надо понимать, им подсовывали несовершеннолетних, а потом обвиняли по статье УК?

– Вот именно! Используют и другие варианты шантажа. Например, угрожают слить видео в Интернет и уведомить о нем жен, руководство... Одного, говорят, крутанули на триста тысяч баксов.

– Ну что касается женщин легкого поведения, то это не моя тема. А вот что касается прослушки – да, это серьезный момент. В принципе что-то подобное я уже предполагал. Хорошо, спасибо за информацию.

Когда Гуров выходил из машины у гостиницы, договорившись с Александром о дальнейших совместных шагах, его телефон неожиданно выдал хорошо знакомое: «Если с другом вышел в путь, если с другом вышел в путь, веселе-е-е-й до-о-ро-о-га!..» Голос Станислава, как всегда бодрый и напористый, привольно вырвался из телефона:

– Лева, привет! Чем занимаешься?

– Только что с рыбалки вернулся... – простецки пояснил Лев, уже заранее зная, что услышит от своего напарника.

– Е-о-о! Ну ты даешь! И как улов?

– Килограмма три хорошего караса взял. Я ездил с одним местным парнем, а весь улов отдал ему, зачем он мне в гостинице?

– Офигеть! Три кило караса!.. А я, понимаешь, уже еду в вашу сторону. Да, представь себе, завтра буду! Чего-нибудь уже удалось накопать?

– Нашел хороший источник информации, узнал от него достаточно много полезного. Парень – наш человек, будет помогать в раскрутке всей этой шайки-лейки. Подберет еще несколько нормальных ребят. Основной массе здешних коллег я не доверяю и в самой малой степени. Так что приезжай, селись в «Необъезженном мустанге», только имей в виду, что гостиница нашпигована потайными видеорекамерами и микрофонами.

Судя по секундной паузе, образовавшейся в разговоре, Крячко от услышанного впал в легкий ступор.

– Ну ничего себе, обстановочка! – наконец высказался он. – Мы там будем прямо как в глубокой разведке... Хорошо! Завтра увидимся.

– Кстати! С учетом этого обстоятельства нам лучше сделать вид, будто мы незнакомы. Давай-ка обговорим, как мы с тобой познакомимся...

Закончив разговор, Гуров прошел в свой номер и, переодевшись в более парадный костюм, вызвал машину из «Вояжа-плюс». Минут через десять во двор лихо зарулил старенький, но достаточно приличный «Опель». Сев на заднее сиденье, в ответ на обычный вопрос таксистов «Куда?» Лев пояснил, что хотел бы пообщаться с предпринимателями, которые занимаются торговлей электротоварами.

– А-а, так это вам надо в «Мегавольт» – они тут самые продвинутые по этой части... – произнес таксист – мужчина средних лет с лысиной, зато с густой черной бородой до середины груди.

Машина выкатилась на дорогу и помчалась в сторону дорожной развязки, в полукилометре от которой виднелись крайние двухэтажки Мокрова. Даже издали было видно, что дома эти из «ветеранов» – самое малое, им уже лет по шестьдесят-семьдесят. Сам Мокров по архитектуре ничего особенного не представлял: это был усредненный райцентр с преобладающим одноэтажным сектором, с несколькими кварталами двухэтажных домов и десятком пятиэтажек времен восьмидесятых. В центре города окнами на просторную площадь выходило большое трехэтажное здание, в котором некогда размещались скорее всего райком и райисполком. Теперь же здесь заседала местная администрация.

Обогнув площадь, «Опель» остановился у большого двухэтажного магазина, на первом этаже которого находился сетевой продуктовый магазин «Уютный», а на втором – салон электротоваров «Мегавольт». Расплатившись с таксистом, Лев поднялся на второй этаж. Директора на месте не оказалось, зато был его заместитель – худощавый мужчина в годах с пышными «цыганскими» усами. Представившись как Леонид Дмитриевич, замдиректора словоохотливо рассказал об основных направлениях деятельности своего «электрошопа». По его словам, они снабжаются в основном с областных оптовых баз, с которыми заключены долгосрочные соглашения. Поэтому контактировать с кем-то еще «Мегавольт» мог лишь в том случае, если бы им предложили нечто, не входящее в их нынешний ассортимент, причем высокого качества и по не самой «кусачей» цене.

Отвечая на вопрос Льва, насколько вольно чувствует себя в Мокрове местная торговля, Леонид Дмитриевич лишь многозначительно развел руками – типа и рад бы сказать, да есть обстоятельства, этому препятствующие. Но Гуров был настроен разговорить коммерсанта по полной программе, поэтому, как бы невзначай, отметил, что их фирма сама, случись встретиться отказ мокровских предпринимателей, готова открыть в здешних местах свой фирменный магазин. Это оказало очень даже стимулирующий эффект на замдиректора, и он, приглушив голос, заговорил о проблемах:

– Лев Иванович, уверяю вас, в наших местах это очень даже непросто! Начнем с бумажных дел. Чтобы здесь обосноваться, предварительно вам придется выложить так называемый «грев» в сумме не менее пары миллионов целковых. Как вам такая сумма? Дальше! Вы же будете строить себе фирменное здание? Вот! А купить земельный участок – из проблем проблема! Нам повезло уже тем, что мы успели купить землю еще лет тринадцать назад. Сегодня мы об этом и не помыслили бы. Ну, допустим, вы сумели построиться, завезли товар. Но как отнесетесь к тому, что ежемесячно вам помимо всех официальных выплат – налоги, медстрах, соцстрах и прочее – придется платить и так называемый «территориальный взнос», что составляет до трети чистой прибыли?!

– Сколько, сколько? – изобразил крайнее удивление Лев. – До трети?! Ну и ну!..

– Как вы отнесетесь к тому, что каждый праздник вам придется платить «праздничные сборы» по двести рублей с квадратного метра торговой площади?! – продолжал возмущаться полусшепотом Леонид Дмитриевич. – У нас – сто квадратов, так что каждый Новый год отдаем двадцать тысяч, двадцать третье февраля – двадцать, Восьмое марта – двадцать... У нас продавцы сидят на зарплате восемь тысяч! Текучка неимоверная. А куда денешься? Выживаем из последних сил... Только, Лев Иванович! О нашем с вами разговоре...

Гуров энергично кивнул и, изобразив руками жест, который можно было понять, как «Само собой разумеется!», на словах добавил таким же заговорщицким полусшепотом:

– Мы и сами с чем-то похожим сталкиваемся, несмотря на то что у нас есть хорошие прихваты в столичной власти. Поэтому, понятное дело, все, о чем мы здесь говорили, останется строго между нами. А я доложу своему руководству, что перспективы здесь нулевые, и нам нужно искать другой район.

Спустившись вниз и выйдя из магазина, Лев пешком зашагал в сторону гостиницы. Он намеренно поплутал по улицам, чтобы иметь представление, чем дышит, чем живет Мокров.

Ему сразу же бросилось в глаза, что местные жители в большинстве своем хмуры, зажаты и имеют обыкновение исподтишка бросать подозрительные взгляды в сторону незнакомца. Судя по всему, они не ощущали себя хозяевами своего города, к тому же от любого встречного ежеминутно ждали какого-нибудь неприятного подвоха. Чтобы проверить свои предположения, проходя мимо одного из особнячков с зеленым забором и старыми яблонями, развесившими свои ветви до края когда-то давно посыпанного щебенкой тротуара, Лев обратился к пожилой тетке, вышедшей подмести подле двора:

– Здравствуйте! Извините, что беспокою. Вы не подскажете, как мне отсюда пройти к гостинице «Необъезженный мустанг»?

Ничего не ответив, женщина поспешно скрылась за калиткой. Продолжая изображать из себя рассеянного интеллигента, Лев с ноткой обиды сказал ей вслед:

– Извините! Я всего лишь хотел спросить дорогу...

Он зашагал дальше, но в этот момент сзади него щелкнул запор калитки, и раздался голос хозяйки этого дома:

– Слышишь, мужчина? Ты, я вижу, не местный?

Гуров оглянулся и отрицательно покачал головой. Высунувшись из калитки до половины, женщина доверительно проговорила:

– Поменьше бы ты болтался по городу в такое время! А то тут, бывает, и свои пропадают – как сквозь землю уходят. А уж такие, как ты, на раз исчезают. Ну, все, хватит болтать. Иди своей дорогой!

Запомнив улицу и дом, Лев зашагал дальше, размышляя над словами хозяйки. Он записал сказанное ею на диктофон своего сотового, точно так же, как и недавний свой диалог с сотрудником «Мегавольта». Происходящее в Мокрове все больше и больше напоминало ему ставший реальностью театр абсурда и ужасов, где все происходит вопреки логике и здравому смыслу. Лев вдруг ощутил себя одним из актеров этой постановки, которому забыли дать слова и который, вынужденно участвуя в фантазмагоричном действе, совершенно не представлял ни его фабулы, ни сюжета.

Он прошел по периметру кольца дорожной развязки и зашагал к гостинице, светившейся нарядными огнями.

Войдя в холл, Гуров неопределенно кивнул «ковбою» и отправился в гостиничное кафе. Прогулка по городу пробудила аппетит, и подкрепиться было совсем не лишне.

Дождаясь официантку с заказанным ей ужином, Гуров вслушивался в разговоры соседей. Слева от него двое мужчин вполголоса обсуждали беспредел здешних гаишников.

– ... Еду шестьдесят – там больше и не разгонишься, стоят два рыла, машут своей палкой. Типа, превысил скорость! Спрашиваю: а мне что, на четвереньках, что ль, ползти? А они ржут: тебе что, больше понравится, если найдем у тебя в багажнике наркоту или оружие? Пришлось каждому дать по «косарю»! Ну всяких я видел козлов, но тутошные козлы – самые борзые!..

Сидевшие позади Льва, судя по всему, три автотуристки, полушепотом обсуждали природное кафе с не совсем обычным названием «Ни хрена себе!». Как явствовало из разговора, оно находилось где-то на полпути между Мокровом и Журавском и представляло собой весьма опасную криминальную забегаловку. Одна из собеседниц поведала о том, что какая-то ее знакомая в прошлом году по недомыслию надумала там подкрепиться. Кончилось все тем, что ей подсыпали снотворного, а когда она пришла в себя, находясь уже в своей машине, то обнаружила, что у нее не осталось ни копейки денег. Более того, женщина поняла, что, пока находилась в бессознательном состоянии, подверглась изнасилованию, скорее всего неоднократно. Приехав в Мокров, она заявила об этом в полицию, но над ней там только посмеялись...

Когда официантка принесла заказ и, вежливо улыбаясь, пожелала приятного аппетита, Гурову некоторое время пришлось собираться с силами, чтобы начать ужин, – после всего того, что он услышал, аппетит совсем пропал. Сразу же после ужина Лев отправился в свой номер.

Ему хотелось только одного – лечь спать. Разъезды, недосып в поезде, рыбалка, ходьба по городу его основательно утомили. Ополоснувшись в душе, он разобрал постель и уже начал раздеваться, как в этот момент кто-то осторожно постучался в номер. Гуров снова застегнул рубашку и, открыв дверь, увидел перед собой смазливенькую деваху в фирменной униформе минимизированного размера. Кокетливо покачивая бедрами, гостя вкрадчивым голосом спросила:

– Вам ничего не нужно? Я ваша горничная, моя задача вас обслуживать и выполнять все ваши пожелания.

– Вы, наверное, очень удивитесь, но мне действительно ничего не нужно! – ответил Лев, не скрывая иронии. – А самое большое пожелание – чтобы меня до утра не беспокоили. Это – все!

– Н-ну как хотите... Спокойной ночи! – промурлыкала в ответ горничная.

Закрыв дверь и оглядевшись, Лев нашел за платяным шкафом деревянный багет с крепкой перекладиной и, положив его поперек дверного проема, притянул к нему полотенцем дверную ручку – мало ли что ночью может произойти? Лишь после этого он наконец-то лег под одеяло и закрыл глаза – отбой!

Глава 4

Наверное, переизбыток недавних впечатлений, перегрузивших подсознание, основательно повлиял на его сон, который оказался прерывистым и беспокойным. Первую половину ночи Лев руководил парусной регатой плотов наподобие знаменитого Кон-Тики. Заплыв проводился где-то в Атлантике. Но океан почему-то больше напоминал пол большого спортзала. Гурову без конца приходилось бегать от плота к плоту, показывая «плотсменам», как управлять парусами. Неожиданно на них обрушилась огромная волна, и они все пошли ко дну...

В какой-то миг он вдруг увидел себя лежащим в гробу, справа и слева от него тоже были гробы, в которых лежали участники регаты. Тот, что был справа, неожиданно спросил голосом Александра Ковалева:

– Капитан, а завтра мы снова поплывем?

А тот, что слева, голосом Стаса Крячко откликнулся:

– Чокнулся, что ли? Мы уже утонули, сейчас нас заколотят и будут хоронить. Вон уже крышки несут...

У Льва от услышанного похолодело в груди: как это – хоронить?! Он же еще вроде живой? Да, живой! Надо срочно что-то сделать, чтобы это увидели. Он сделал усилие, чтобы приподняться, и... проснулся. Сердце гулко колотилось, в ушах стоял звон, дышалось отчего-то очень тяжело. Лев поднялся с постели, подошел к окну и распахнул его настежь. Через противомоскитную сетку в лицо сразу же ударила упоительно свежая волна ночного ветерка. Сразу стало легче, словно с плеч свалилась тяжелая каменная глыба.

И тут он услышал чуть слышное пощелкивание дверного замка – кто-то пытался пробраться в его номер. Лев быстро надел брюки и рубашку и на цыпочках подкрался к двери. Осторожно развязав полотенце, убрал багет и прижался к стене рядом с дверным проемом. В этот момент дверь открылась, и в его номер, крадучись, вошли двое неизвестных с черными капроновыми чулками на головах и в черных спортивных костюмах в обтяжку. В свете, падающем в номер из коридора, было хорошо видно, что один из ночных визитеров – женщина, другой – мужчина, который нес в руке пластмассовую сумку.

Неслышно ступая по полу, они подошли к его кровати и удивленно замерли.

– Ой, а его нет... Где же он? – шепотом произнесла женщина.

Включив свет, Гуров загородил дверной проем и спокойно, но жестко уведомил:

– Я здесь!

Испуганно дернувшись, ночные гости резко обернулись в его сторону. Судя по всему, они были бы не против дать деру, но путь к бегству им был отрезан. В напряженной тишине прозвучал очередной вопрос Льва:

– Кто такие и зачем сюда пришли? Кстати, маски снять!

Неизвестные послушно стянули с головы чулки, и он увидел перед собой совершенно незнакомую ему молодую парочку. Мужчине было лет тридцать, его спутнице – заметно меньше. Растерянно переглядываясь, они сообщили, что работают при гостинице аниматорами, организуют игры и конкурсы, а также розыгрыши постояльцев. Разумеется, разыгрывают они только тех, кто сам этого желает.

– Сейчас уточним! – сухо зато ответил Гуров, нажимая кнопку звонка.

Менее чем через минуту примчался «ковбой», который, увидев происходящее в этом номере, схватился за голову:

– Идиоты! Не в пятнадцатый номер вам сказали, а в тринадцатый! Вы что, совсем охренели?! Лев Иванович, простите их, это наши новые аниматоры, еще пока не освоились. Был заказ на розыгрыш. В тринадцатый номер нужно было незаметно занести лягушку-будильник, чтобы в шесть утра она разбудила своим кваканьем. Покажите!

Парень достал из сумки здоровенную резиновую лягушицу, издали очень похожую на живую. Парень нажал на ее темя, и лягушка издала вальяжное «Ква-а-а-а!..» в тональности одной из арий, исполняемых Монсеррат Кабалье.

– Все понятно, вопрос закрыт. Вы свободны! – показал аниматорам на выход Лев. – А вот к вам есть вопрос, – повернулся он к «ковбою»: – Почему здесь такой тяжелый воздух?

– Лев Иванович, мои извинения, – сокрушенно покачал головой портье. – Дня два назад здесь настелили новый линолеум, поэтому помещение нуждается в том, чтобы его хорошо проветривали. А эта бездельница Лерка, горничная, совсем мышей не ловит! Завтра же задам ей хорошую взбучку!

– Ладно, никому никаких взбучек давать не надо, вы тоже свободны, – отпустил портье Лев.

...И снова он погрузился в сон... Неожиданно окно его номера озарилось загадочным фиолетовым светом. Он подбежал к нему и увидел, как в ночном небе, плавно кружась, звезды начали сливаться в нечто непонятное, похожее на две сложенные суповые тарелки. НЛЮ!!! Сияющий призрачным светом объект спустился прямо на шоссе перед гостиницей. «Никогда бы в жизни не подумал, что стану свидетелем посадки пришельцев. Только с чем они к нам заявились? Где они, кстати?» – мелькнула мысль. И тут же со стороны двери до него донесся металлический голос: «Мы уже здесь!» Лев резко обернулся и... оказался лежащим в кровати. Это опять был бредовый сон!

«Завтра же надо будет сказать, чтобы мне предоставили другой номер! Что за отраву испаряет этот линолеум? Вижу, блин, не сны, а какие-то токсикоманские глюки!..»

Он глянул на часы. Стрелки показывали около пяти утра, в окне голубело утреннее небо. Поняв, что больше уже не уснет, Лев включив телевизор и, найдя местный канал, начал делать разминку. Шла программа «По сводкам облУВД». В ряду сообщений о происшедших за минувшую ночь двух пожарах, нападении на банкомат и угоне дорогой иномарки дикторша сообщила о серьезном ДТП на трассе Журавск – Мокров. Поздним вечером по не установленным пока причинам автомобиль «Фольксваген Пассат», принадлежащий жителю Мокрова Игорю Смольнову, потерял управление и упал под откос. Владелец автомобиля в крайне тяжелом состоянии и доставлен в реанимацию.

Черт! Местный криминалитет избавляется от опасного свидетеля. Это очень скверно! Не исключено, что Игорь обладал очень важной информацией, которая могла бы помочь выйти на загадочного Паука. Но теперь со Смольновым они еще не скоро смогут увидеться. Если только тому вообще удастся выжить. И чем-либо помочь ему Лев сейчас никак не может – вот в чем язва-то!

В принципе, если разобраться, уже сейчас имеется достаточно много информации, позволяющей взять за жабры энное число негодяев – и в администрации, и в райотделе полиции, и в прокуратуре. Но Гуров был твердо уверен в том, что все эти шкурники и предатели – не более чем мелкие «шестерки», находящиеся в услужении пока еще не материализованного им мерзавца очень крупного масштаба. Если сейчас кого-то из них прищучить, настоящий главарь тут же станет недосягаем. А этого допустить никак нельзя...

Размышляя о возможных вариантах дальнейших действий, Лев напряженно работал руками, делал наклоны, приседания и махи. Прежде всего нужно созвониться с Петром, рассказать ему о случившемся со Смольновым и обязательно придумать, как не позволить бандитам его добить. Но здесь об этом не поговоришь. А что, если устроить себе спортивную пробежку? Верно! Это – самый лучший вариант.

Гуров достал из сумки и надел на себя тонкие «треники» и белую майку, легкие спортивные тапочки и по лестнице спустился в холл. Вчерашнего «ковбоя» там уже не было, вместо него за стойкой портье хозяйничала весьма пригожая гражданка лет тридцати пяти, в бандане, в просторной черной рубахе пиратского фасона и пиратских штанах, запроваленных в

замысловатые сапоги. На широком, расшитом толстой цветной нитью кожаном поясе болтался турецкий ятаган в изукрашенных ножнах. Именно о такой можно было бы сказать: «бой-баба». Прыгающий в клетке попугай громко оглашал комплименты в свой собственный адрес:

– Федя умный! Федя умный!..

Поздоровавшись с «пиратшей», Лев спросил:

– А вот вчера тут был «ковбой» – у него что, выходной? Сегодня вы за него?

– Да! – жизнерадостно сверкнув золотой «фиксой», подтвердила та. – С Гешкой мы дежури́м сутки через сутки. А вы что-то хотели спросить?

– Я хотел бы попросить, чтобы мне предоставили другой номер. Там такой ядовитый линолеум...

– А-а-а! Вы из пятнадцатого? Все ясно! Не вы первый. Я сразу сказала, что нечего брать эту китайскую отраву! Лучше пусть дороже и не так красиво, зато люди травиться не будут. Что, всю ночь кошмары снились? А-а-а! Перед вами был мужчина, так ему приснилось, будто внутри него залезла змеюка, и он ее из себя никак за хвост не вытащит!

– Ну так что, этот вопрос мы сможем решить?

– Сможем! Решим! Вы сейчас, я вижу, на пробежку? Ну это чувствуется – спортивный мужчина. Я бы тоже пробежалась с вами!..

Издав мечтательное «Э-эх!», она поправила руками свой крупногабаритный бюст и под «честное пионерское» пообещала решить вопрос с «койко-местом» сразу же после завтрака.

Гуров вышел во двор и, подключив к телефону гарнитуру, набрал номер Орлова. Легкой трусцой он побежал вдоль трассы, изображая из себя «ботаника»-меломана, который даже пробежку не мыслит без любимых записей. Петр откликнулся, слегка позевывая, – видимо, только что проснулся. Лев сжато рассказал ему об услышанном от Александра Ковалева и замдиректора «Мегавольта». Передал и пугающе странный диалог с местной жительницей, предупредившей его о риске бесследного исчезновения.

Петр, ни разу не перебив, выслушал этот отчет-повествование, после чего, шумно вздохнув, жестко определил:

– Уроды паскудные! Расстреливать таких надо! Слушай, Лева, а может, давай-ка сброшу я туда усиленную опергруппу с подкреплением из нашего спецназа? Думаю, фактов более чем достаточно, чтобы всю мокровскую свистобратию прижать к ногтю!

– По-моему, пока преждевременно, – не согласился Гуров. – Боюсь, получится как с расследованием в той знаменитой станице. Помнишь же? Ну верхушку банды взяли, а вот всю ту шваль из властных структур, которая бандитов прикрывала и обслуживала, не пощипали даже на районном уровне. Нам нужно выйти на Паука! Вот моя главная цель и задача. А я сейчас даже не могу себе представить, кто это может быть вообще.

– погоди! Может быть, это «погоняло» местного главы... Как его там?

– Хлямпиков? – Лев коротко рассмеялся. – Исходя из того, что я узнал от Александра, хоть этот уездный «князек» и мразь из мрази, но на роль босса мафии он никак не тянет. Нет, нет! Он лишь ширма. Тут кто-то другой рулит, с куда более широкими и крепкими связями. Судя по тому, что эта банда способна без проблем достать даже тех, кто проживает в других регионах, концы могут тянуться очень высоко, даже на столичные «верхние этажи». Ну ты понимаешь, что я имею в виду...

– И как скоро тебе удастся выйти на этого Паука?

– А это будет зависеть еще и от того, как ты будешь помогать. Вот, например, мне нужна полная информация о Хлямпикове Павле Николаевиче. Все о его службе в армии, о его семье, все его бывшие контакты – нет ли среди них типа по кличке Паук? Ну и, понятное дело, перекопайте всех криминальных дельцов с такой же кличкой.

Выслушав Гурова, Орлов с некоторой неохотой, но все же согласился с ним:

– Ну давай действуй. Только, смотри, осторожнее! Если они догадаются, кто ты на самом деле, то разделаются с тобой, как и с Игорем Смольновым. А насчет Игоря я побеспокоюсь. Продумаем, как его забрать и перебросить в Москву, чтобы он находился под охраной. Скажем, сегодня за ним приедет его «дальний родственник», который его и заберет.

Сразу же по завершении разговора с Орловым Гуров созвонился со Стасом. Тот уже подъезжал к Журавску и был настроен весьма оптимистично.

– Скоро буду! Жди! – бодро уведомил он.

– Стас, напомню: когда приедешь, в гостинице нам надо будет разыграть сценку, будто мы ранее знакомы не были и здесь встретились впервые...

Когда Лев вернулся в «отель», «пиратша», назвавшаяся Ольгой, объявила, что хорошее место ему нашла, правда, номер двухместный.

– Ну а что? Ничего страшного! – уверяла она, пожимая плечами. – Соседа подберем вам хорошего, по согласованию с вами. Как такой вариант? Устроит?

– Устроит! – коротко кивнул Гуров. – В какой номер переносить вещи?

– Вот, на первом этаже, седьмой! – Довольная тем, что все так удачно разрешилось, Ольга в очередной раз сверкнула золотом своей улыбки, указав пальцем на коридор, ведущий влево.

Переодевшись, Лев перенес вещи в седьмой номер. Там действительно атмосфера была почти домашняя, куда более уютная, нежели в пятнадцатом. Потом он сходил на завтрак, а когда выходил из обеденного зала в холл, в дверях столкнулся с Евгением. Тот выглядел непривычно мрачным и понурым. От его бывшего лоска и блеска не осталось и следа. Поздоровавшись, Гуров поинтересовался причиной столь невеселого настроения. Досадливо поморщившись, тот махнул рукой и пояснил, что вляпался в такую «поганую историю», хуже которой у него еще никогда не было.

– Жень, может, я чем-то могу помочь? – тоже приглушив голос, участливо спросил Лев.

– Эх, Лев Иванович! Кто мне сейчас поможет?! – простонал Евгений. – Попал я – как кур во щи! И как попал! Е-мое!!! Сказала же, зараза, что ей уже восемнадцать. А как только мы с ней начали... Гм-гм... Вдруг влетают менты, проверяют ее паспорт, а ей – семнадцать! Приплыл... Составили протокол об интимной связи с несовершеннолетней. Предложили вариант: три «лимона» – и дело закрыто. А это – весь мой оборот! Мне с мастерами рассчитаться будет нечем. Они меня живьем заруют! Что делать?! Что де-ла-а-а-ть?!!

– Да, сто тридцать четвертая – суровая статья УК... – сочувственно покачал головой Гуров. – Ну-ка, давай выйдем на улицу, там поговорим...

Горестно вздохнув, донжуан-неудачник покорно поплелся следом. Они сели на дальнюю лавочку, где их не могли бы услышать клиенты «отеля», вышедшие из кафе покурить, и Лев снова заговорил:

– М-да, это называется – «оттянулся»... Знаешь, Жень, я не хочу сказать, что у меня безграничные возможности, но кое-какие связи в прокурорских и адвокатских кругах имею. Поэтому задам тебе несколько вопросов, на которые хотел бы получить самые подробные ответы. Мне нужно оценить картину случившегося и более конкретно прикинуть, кто и как мог бы вытащить тебя из этой грязи.

– Лев Иванович! Да пожалуйста – любые вопросы! Честно говоря, я даже не так за деньги переживаю, как за то, что об этом может узнать моя жена. Тогда – все! Кирдык будет полный и однозначный. Она мне этих походов не простит. Я уж вчера даже зарок себе дал: если все обойдется, с этой идиотчиной покончу навсегда. Ой, дура-а-а-к!..

– Хорошо... Мне надо знать про хозяина заведения, где ты побывал, все, что тебе известно о его связях с местными и областными ментами. Думаю, в этой истории он никак не последняя скрипка.

Закивав в ответ, Евгений откашлялся и торопливо заговорил:

– Так... Про хозяина массажного салона... Ну, насколько я знаю, им формально числится местный коммерсант Руслан Арчабов. У него еще есть лесобаза и ломбард. Но, как я слышал, реальный хозяин всех здешних притонов – глава администрации Хлямпиков. Он и сам девками постоянно пользуется. Мне в прошлом году в сауне одна девчонка рассказывала. Их периодически возят к нему на его базу отдыха. Она называется... ммм... по-моему, «Ласточка».

– Кстати, а откуда он добывает кадры своих массажисток? Он их что, вербует? Или как-то принуждает?

– Кто-то сам к нему идет, кого-то принуждает... А девчонки у него все местные – из Мокрова и окрестных сел...

Как далее рассказал Евгений, система «вербовки» здесь очень проста. У Хлямпикова есть команда холуев, которые по школам присматривают таких девчонок, кто им мог бы подойти – и по внешности, и по фигуре. Особенно их интересуют девочки из неблагополучных семей. Таких начинают «прикармливать» – дарить какие-то подарки, помогать деньгами. Ну а когда дуреха втянется, ей объявляют: или возвращай все, что получила, или соглашайся на «постельный бизнес». Некоторым «соскочить» удается. Но большинство соглашаются.

Кроме того, эти же холуи выкупают долги у коллекторов. Микрокредиты берут многие, а вот расплатиться может не всякий. И если у должников есть дочка, которая холуям приглянулась, они предлагают ее родителям: мы долги погасим, но ваша дочка будет работать у нас. По некоторым данным, отказов еще не было...

– Хорошо, вернемся к твоим вчерашним приключениям... Значит, массажистка тебе сказала, что ей уже есть восемнадцать. Но когда ворвались полицейские, в ее паспорте значилось семнадцать. Вопрос: а действительно ли это был ее паспорт? Ты сам-то его видел? И второе. Полицейские свои документы тебе показали?

– Нет, в ее паспорт я не заглядывал. А так-то я бы ей все двадцать дал! – растерянно захлопал глазами Евгений. – Да, кстати, свои документы полицейские мне тоже не показали. Нет! Они ворвались, как бы это сказать, в самый интересный момент, и начали орать: «Не двигаться! Полиция! Что здесь происходит?!» Я был так ошарашен, что совсем потерял голову.

– На это они и рассчитывали... – чуть заметно усмехнулся Лев. – То, что этой массажистке семнадцать лет, они записали в протокол? Кстати, ты его прочел перед тем, как подписать?

– Да, прочел... Там был указан ее возраст: семнадцать лет... – подтвердил Евгений, нервно тиская сведенные меж собой пальцы.

– Ты еще не забыл данного тобой зарок – больше не гулять от жены, которой так дорожишь? – внимательно посмотрел на него Гуров. – Ну вот и соблюдай его. А сейчас можешь спокойно ехать домой и... И жить дальше – заботиться о семье, заниматься своим бизнесом...

– Неужели вы сможете сделать так, что от меня отстанут? – не веря услышанному, тронул Льва за рукав ветровки Евгений.

Он смотрел на этого загадочного человека как на чудотворца, и в его глазах светилась сумасшедшая надежда на благополучное завершение вчерашних злоключений. Но, к его удивлению, тот отрицательно покачал головой:

– Это совершенно ни к чему! То, с чем ты столкнулся, – не более чем хорошо поставленный спектакль. И «малолетке» той скорее всего уже за двадцать, и полицейские скорее всего или «липовые», или из тех, кто сам боится, чтобы его не вывели на чистую воду.

– Лев Иванович, но в протоколе же значится – семнадцать лет! – Евгений снова расстроился.

– А ты статью сто тридцать четвертую УК читал? Там речь идет о лицах, не достигших шестнадцатилетнего возраста. Повторить? Шестнадцатилетнего! Видишь ли, наши законы так часто перекраивают, что люди начинают путаться, а недобросовестные полицейские и судьи, пользуясь незнанием, этим злоупотребляют. Срок тебе не грозит. Единственное, что они

могут, – это «слить» твоей жене какой-нибудь компромат, например, подсунуть видеозапись твоих утех с той красоткой.

Некоторое время Евгений сидел, недвижимо глядя в пространство.

– Господи! Не одно, так другое! Лев Иванович! Может, что-нибудь посоветуете?

– Женья! Мозги включи! Эти «менты» тебе оставили какой-нибудь контактный телефон? Или сами обещали позвонить? Есть номер? Отлично! У тебя в телефоне диктофон имеется? Еще лучше! Позвони им, поторгуйся, объясни, что три миллиона для тебя – сумма неподъемная. Не согласятся ли они ее убавить или взять по частям? Определись, в какое время, в каком месте ты сможешь делать выплаты или на какой счет перечислять деньги. Главное, говорить подольше, чтобы потом этой записью факт вымогательства можно было доказать без сучка без задоринки. И – все! Они в твоих руках. Теперь уже ты их держишь на коротком поводке...

– Круто! Е-мое! Лев Иванович! Вы меня спасли! Чем буду вам обязан?

– Да ничем... – иронично улыбнулся Лев. – Гони домой! Жена, поди, истосковалась...

– Точно! Пошел собираться... Спасибо, Лев Иванович!

Поднявшись с лавочки, Евгений провел по лицу ладонями и быстро зашагал к вестибюлю. Гуров тоже поднялся и прошелся по двору. Достав телефон, он набрал номер Ковалева. Александр откликнулся сразу же:

– Лев Иванович, мы с Володей Ростошиным уже подъезжаем!

И в самом деле, пару минут спустя невдалеке от гостиницы у обочины шоссе притормозила «четырнадцатая» «Лада». Подойдя к машине, Лев сел в салон и, поздоровавшись, предложил отъехать куда-нибудь в сторонку, чтобы не мозолить глаза возможным соглядатаям. Кивнув, Александр дал газу, и машина покатила за куртину буйно разросшихся кленов, зеленеющих на задворках «Необъезженного мустанга». Сидя в тени на траве, Гуров и его собеседники обсудили текущие дела и планы. Лев сразу же поставил перед парнями задачу-максимум: любой ценой узнать, кто такой Паук и где он тут может обитать – в пределах Мокрова, в пределах Журавской области или где-то еще.

– Поймите, ребята, если мы его не вычислим и не возьмем, все наши усилия могут оказаться пустыми потугами, – говорил он. – Эта криминальная система жертвует третьестепенными недоумками, которые мало что знают и в нее, по сути, не входят. А вот основное ядро криминалитета – все те, кто сегодня душит город и район, кто грабит и убивает, – останется в стороне. Но, еще раз повторяю: работать надо очень тонко, чтобы до поры до времени не засветиться и не попасть в их поле зрения.

– Лев Иванович, я целиком и полностью с вами согласен, но как это сделать, чтобы и подобраться к этому самому криминальному ядру, и себя при этом не засветить? – недоуменно пожал плечами Ростошин. – Было бы у нас хоть какое-то спецоборудование, чтобы, например, прослушивать телефонные разговоры, какие-то «жучки» и так далее. А без этого – что мы можем?

– Да, Володя, ничего этого у нас нет. Но есть мозги, и их надо использовать на все сто. Прежде всего нужно начать интенсивный сбор информации о здешних главарах. Скажем, что мы знаем о Хлямпикове? Пока – ничего. А надо бы найти информацию о том, какой марки, какого цвета у него машина, ее номер, проследить, куда он ездит. Неплохо бы узнать, на каких машинах ездят его охранники, сколько их, чем вооружены... То есть набрать максимум информации о нем самом и его окружении, а также и о других мокровских негодях наподобие начальника РОВД, прокурора и прочих. Это значительно расширит наши возможности. Правда, времени у нас очень мало, и оно поджимает... Поэтому, не ограничиваясь сбором информации, нужно попытаться спровоцировать местную бандократию на активные, необдуманные действия. Кому-то одному надо найти способ демонстративно обратить на себя внимание этой своры. Для чего? Чтобы они за ним начали охоту. Но в реальности на этих «охотников» начнем охоту мы сами.

Ковалев энергично тряхнул вскинутым крепко сжатым кулаком и одобрительно произнес:

– А вот это мне нравится, классная задумка! И, кажется, я знаю, кто мог бы, скажем так, сыграть роль приманки.

– Меня имеешь в виду? – прищурился Володя. – Ну я в принципе не против. Только где и как это проверить?

– Ну сегодня же после обеда – ты сам мне об этом рассказывал – вроде будут похороны Людмилы Самойловой? – вопросительно взглянул на приятеля Александр. – Вот там в виде прощального слова можно было бы дать нужную информацию.

– Ее будут хоронить сегодня? Здесь, в Мокрове? – уточнил Гуров.

– Да, – кивнул Володя. – Рассказывали, что ее вчера из Москвы на своей машине привез родственник Самойловых. Говорят, еле смог забрать из морга – тамошние живодеры тысяч пятьдесят с него запросили! Еле скостил до пятнадцати. О, жизнь настала!..

– А что за родственник? – заинтересовался Лев.

– Несостоявшийся жених Людмилы. Они с Андреем Самойловым были конкурентами на ее руку и сердце. Победил Андрей – она вышла за него. Но тот, хоть Людмилу и потерял, все равно остался где-то рядом с ней – женился на ее двоюродной сестре, которая копия Людмилы. Правда, честно сказал ей: тебя не обижу, буду о тебе заботиться, но Люську – любил, люблю и буду любить всегда...

– Потрясающая история! – задумчиво отметил Гуров. – И он вчера ее привез из Москвы?

– Да, он занимается частным мелким грузовым извозом. У него две машины – эвакуатор и японский фургон. Как только он узнал о случившемся с Людмилой, сразу же собрался и на своем фургоне поехал в Москву. Сколько с него содрали денег – охренеть можно! И вот сегодня ее хоронят... – Он замолчал, и на некоторое время в воздухе повисла грустная тишина. Подумав немного, Ростошин рассудил: – Ну а что? В принципе все нормально! Да, скорее всего на кладбище это можно было бы организовать. Так-то я с Людой и Андреем знаком был постольку-поскольку, как говорится, но... В любом случае имею на это право, если что-то буду говорить, люди правильно поймут. А я открытым текстом выдам, что здешняя мафия убила троих наших земляков, троих замечательных, еще совсем молодых людей. А чтобы они на меня и в самом деле клюнули, скажу, что у меня есть точная информация о том, кто главный заказчик этих убийств.

– Да, разумеется, на такое заявление они не смогут не клюнуть, – с некоторым сомнением произнес Лев. – Но... Володя, не слишком ли оно категоричное? Эта мразь может запаниковать и пойти на немедленное убийство. Боюсь, в таком случае мы можем не успеть среагировать, и тогда... Последствия могут быть очень даже неприятные. Может быть, насчет заказчика стоит только намекнуть?

– А вдруг они не поймут намека и охоту на меня не откроют? Нет! Я считаю, что намеки тут излишни – буду говорить напрямую. Лев Иванович, я прошел школу в «войсках дяди Васи», а там у нас железный принцип: никто, кроме нас! Какая разница, с каким врагом воевать? С тем, что лезет к нам из-за границы, или с тем, что завелся здесь? Мразь – она и в Африке мразь.

С напряженным выражением лица Гуров шумно вздохнул, но все же вынужден был согласиться:

– Хорошо! Пусть будет так. Но! Во время похорон вблизи от кладбища в полной готовности должно быть не менее двух наших машин. И вот для чего это нужно... Этим тварям обязательно захочется выяснить, как много ты знаешь и кто тебе все это рассказал. Поэтому скорее всего они устроят инсценировку твоего задержания под каким-нибудь благовидным предлогом, а потом уничтожат физически. Понятное дело, этого нам допустить никак нельзя, и всем

придется быть начеку и при колесах. Нужно иметь как минимум две машины, чтобы их или застопорить на месте, или грамотно вести преследование.

– Ну одна машина у нас уже в наличии! – указал на свою «четырнадцатую» Александр. – Нужно срочно найти вторую? Лев Иванович, считайте, что она уже есть!

– Ну и замечательно... – одобрительно кивнул Гуров. – Кроме того, на похоронах должны быть два-три человека с видеокамерами, чтобы они снимали все, что там происходит, прежде всего тех, кто им покажется чем-то подозрительным. Отснятые материалы мы и сами можем изучить, и отошлем в Главк, чтобы наши информационщики выжали из них все по максимуму, пробили всех подозрительных по федеральным базам данных.

– О! – вскинул руку Ростошин. – У меня есть хорошая «шпионская» авторучка с встроенной видеокамерой и микрофоном. Карта памяти почти на два гига, так что при среднем качестве изображения на час съемки ее вполне хватит. Дам ее своему брату Лехе, а вторая камера... Соседа попрошу помочь. Парень – свой в доску, не подведет.

– Тогда обсудим план наших действий... – Лев взглянул на часы. – Время позволяет, поэтому обговорим ход сегодняшней операции до мелочей.

По его мнению, Володе и добровольцам-операторам видеосъемки нужно будет в ближайшее время отправиться к старикам Самойловым, у которых проходит прощание родственников и знакомых с умершей, и уже там начинать фото- и видеосъемку. «Шпионская» авторучка в этом случае будет как нельзя кстати. Когда гроб с телом вынесут во двор и будут произноситься прощальные речи, Володе именно тогда, а не на кладбище, нужно будет сказать о заказчике убийств. Для чего? Чтобы шпики, присланные на похороны высматривать и вынюхивать, успели доложить об этом своему главарю и он дал им соответствующие распоряжения.

Сам Гуров и Александр едут к городскому кладбищу и выбирают там хорошее место для засады. К ним должен будет присоединиться еще один автомобилист, с которым поедет Станислав Крячко, ожидающийся уже с минуты на минуту. Кладбище находится за городом. Мимо него проходит районная трасса, ведущая к степным селам. С кладбищем ее связывает проезд меж двух лесополос. В этих-то лесополосах и будет сделана засада.

– После того как Людмилу погребут, тебе, Володя, надо будет задержаться у могилы своей девушки, – продолжал инструктировать Лев. – Когда кладбище опустеет, ты пойдешь к выходу. Именно в этот момент, я так думаю, тебя и попытаются сцапать. Ты резко кинешься бежать и скроешься в зарослях. Они начнут погоню, и мы их возьмем, что называется, голыми руками. Теперь надо решить такой вопрос: куда их спрятать на ближайшие несколько дней? Нужно надежное место наподобие крепкого подвала, и надежный человек, который за ними присмотрел бы.

Немного подумав, Александр сообщил, что такое место он знает.

– ...Только ехать туда далеко – в Воробьевку, это в самом углу района. Там живет всего один дед – все остальные или уехали, или умерли. Мы с ним хорошо знакомы – я несколько раз, когда ездил в степь на охоту, останавливался у него. Так вот, там есть заброшенная ферма, а рядом с ней – подземный резервуар для жидких стоков. Сейчас он пустой. Вот туда их и можно будет определить. Хрен кто оттуда вылезет!

– Отличный вариант, – согласился Гуров. – Принято! Будем считать, что этот вопрос мы утрясли. А теперь, парни, кратенько введите меня в курс дела – что это вообще за история, которая произошла с Самойловыми?

Кивнув, Владимир рассказал все, что ему было известно о случившемся с его Валей, с Андреем и Людмилой. Завершая свое повествование, он хмуро выдохнул:

– Попадется мне та гнида, которая все это тут устроила, – шею сверну, как курчонку!..

– Найти бы ее только, эту тварь! – задумчиво усмехнулся Лев. – Но я думаю, от задержанных нами прихвостней бандитской верхушки мы сможем узнать много чего полезного и нужного. Ну что, за дело?

Договорившись с Александром о времени отбытия к кладбищу, он пешком отправился в гостиницу, чтобы перекусить в кафе и подготовиться к операции. Войдя в холл, сразу увидел Стаса Крячко, о чем-то жизнерадостно беседовавшего с «пиратшей». Заметив Гурова, она помахала ему рукой:

– Лев Иванович! Вот, нашелся вам сосед по комнате. Кстати, тоже москвич!

Гуров подошел к ним и, протягивая руку, представился:

– Лев Гуров, фирма «Полюс-Максимум», электротовары.

– Станислав Крячко, свободный искатель приключений на свою голову и иные части тела! – хохотнул Стас и тут же добавил: – А если серьезно – частная скупка антиквариата. Езжу по регионам, ищу старинные часы, иконы, посуду, украшения... Ну раз уж мы соседи, то на правах соседства хочу спросить: а ты не хранишь?

– Я-то – нет. А вот ты? – рассмеялся Лев – свою роль Крячко играл виртуозно.

– Извини, храплю. Слушай, а где тут можно перекусить с дороги?

Гуров взглядом указал на дверь кафе.

– А-а-а! – обрадовался Стас. – Вон она, харчевня! Лева, вещи в номер ща закину, и мы продолжим знакомство.

– А со мной знакомство продолжить не желаешь? – глядя вслед Гурову, вполголоса поинтересовалась у Станислава «пиратша».

Просияв самой обаятельной из своих улыбок, Крячко подмигнул ей и шепотом ответил:

– Оля! Солнышко! С тобой – в первую очередь! Сегодня вечером – сто пудов!

Сидя за столиком кафе, приятели продолжали ломать комедию «мы только что познакомились». Уплетая обед, они иносказаниями и намеками обсуждали текущие дела.

– Ну, что, Лев, с электротоварами у тебя что-то сдвинулось? – Крячко многозначительно посмотрел на Гурова.

– Ну-у сегодня должно бы кое-что решиться. Если мои ожидания оправдаются, я буду в крупном барыше. Да и вся наша фирма будет очень довольна.

– А меня в долю возьмешь?

– Да, наверное, стоит. Вижу – с тебя толк будет!..

Покончив с обедом, они вышли в холл, и Гурова тут же окликнула «пиратша»:

– Лев Иванович! Чуть не забыла! Женя из Самары сегодня досрочно уехал, а вам кое-что оставил на память. Вот, возьмите!

Она достала из-под стойки литровую бутылку дорогого коньяка.

– Нич-чего себе! Вот это презент! Лева, угостишь? – восторженно воскликнул Стас.

– Как только мой бизнес-проект реализуется – обязательно!

Гуров отнес коньяк в номер, и они со Станиславом вышли во двор. Лев в нескольких словах объяснил приятелю суть сегодняшней операции, что тот оценил чрезвычайно позитивно. Будучи авантюристом по натуре, Крячко обожал, когда их действия по защите закона балансировали на грани его же нарушения. Партизанщина и робингудовщина для анархичной натуры Стаса были самой желанной приправой к пресноватому законопослушному житью-бытью опера федерального Главка.

Обсудив все детали, они прошли в номер, где оделись «по-рыболовному» и достали из вещей припрятанное там табельное оружие, после чего снова вышли во двор, по пути известив Ольгу, что отправляются на рыбалку, дабы еще больше скрепить завязавшуюся дружбу. Минут через пять раздался шум мотора, и из-за поворота появился Александр на своей «четырнадцатой». Высунувшись в окно, он вопросительно мотнул головой:

– Едем?

Лихо развернувшись на пяточке перед воротами гостиничного двора, машина помчалась по бугристому, в некоторых местах донельзя раздолбанному шоссе. Минут через пятнадцать они свернули на дорогу втрое худшего качества и уже куда медленнее покатали в сторону клад-

бища, видневшегося на широком плоском холме. У поворота на кладбище, опираясь локтем о бежевую «пятерку», их дожидался худощавый коротко стриженный парень.

– Мой старый друг Николай Двинцов, – представил его Ковалев и повернулся к Клячко: – Станислав Васильевич, это ваш транспорт. Можете не сомневаться – машина надежнейшая. Колька – автомеханик от бога, как говорится.

Поздоровавшись с прибывшими, Николай попросил уточнить круг его задач. Указав на разросшийся вдоль подъезда к кладбищу лесок, Ковалев объяснил, что сейчас ему надо спрятаться в посадке таким образом, чтобы его никто не видел, но сам он в любой момент должен быть готов выскочить из своего укрытия и перегородить дорогу.

Тем временем Лев взглянул на стрелки часов и задумчиво проговорил:

– Минут через двадцать-тридцать должны прибыть. Интересно, сколько людей придет на похороны?

Народу во дворе дома шестнадцать по Садовому проезду в этот день собралось человек двести пятьдесят, а может, и больше. Проводить в последний путь Людмилу пришли не только многие жильцы соседних домов, но и с соседних улиц. Когда гроб с умершей рабочие из похоронного агентства вынесли из подъезда, многочисленный гомон сразу стих, и все подтянулись поближе.

Старики Самойловы, за эти дни сильно постаревшие, вели за руку своих внуков. Дети боязливо косились в сторону собравшихся и жались к дедушке с бабушкой. Утерев слезы, старик склонился над Людмилой и горестно произнес:

– Эх, Люся, Люся... Оставила ты нас, ушла к Андрюше. Уж лучше бы нам с матерью уйти!

– Какая у меня сноха была! Золото! – всхлинула его супруга. – За что вам судьба такая?

Подойдя к старикам Самойловым, Володя Ростошин обнял их за плечи и, выпрямившись, заговорил громко и жестко:

– Дорогие земляки! У нас опять смерть, опять похороны. Сегодня мы предадим земле совсем еще молодую женщину, прекрасную жену и мать, замечательную медсестру, отзывчивую и ответственную, которая помогала многим из нас. Когда хоронили мою Валю, я дал слово, что найду виновных в ее смерти и воздам им за это. Эти же нелюди виновны в смерти Андрея и Людмилы – теперь это я знаю точно. Так вот! Я уже выяснил, кто заказчик этих смертей. В ближайшие дни свое он получит обязательно!..

Сказав еще несколько слов о доброй памяти, которую оставили о себе покойные, он смешался с толпой и отыскал одного из «операторов» – своего бывшего одноклассника, работающего охранником в «Мандарине». На его вопросительный взгляд тот утвердительно кивнул – есть соглядатай.

Вскоре фургон похоронного агентства, в который загрузили гроб с телом умершей, медленно покати к выходу со двора. Следом за ним потянулась целая колонна легковушек, преимущественно уже выдавших виды, к тому же в большинстве своем отечественных марок. Возглавлял ее автобус, плотно заполненный людьми. Выехав за город, колонна прибавила ходу и вскоре была у подъезда к кладбищу. Здесь автобусу пришлось остановиться, и его пассажиры вышли на дорогу, собираясь идти за катафалком пешком.

Неожиданно, вздымая хвост пыли, со стороны города пролетела дорогая черная иномарка с плотно тонированными стеклами, которая на несколько секунд притормозила у автобуса. Выглянув из окна салона, нагловатого вида оболтус с притворным сочувствием спросил у ближней из женщин:

– Что, похороны? Кто-то умер?

– Да, – простодушно вздохнула та, – похороны. Вот совсем молодую будем хоронить.

Резко сменив тон, теперь уже с глумливыми нотками оболтус проорал под визгливый хохот своих приятелей:

– Возить вам, не перевози-и-ть!..

Машина тут же рванула с места, унося с собой беснующихся, дико гогочущих юнцов. Ошеломленная услышанным, женщина перекрестилась и бросила вслед убегающему лимузину:

– Чтоб вам пусто было! Чтоб вам ни дна ни покрышки, уроды!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.